

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СУИЦИДОЛОГИИ

В.И. Морозов, А.Ф. Абдулвалиев, Е.М. Толстолужинская

ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет», г. Тюмень, Россия

CRIMINAL AND CRIMINALISTIC PROCURING OF SUICIDODOLOGY

V.I. Morozov, A.F. Abdulvaliev, E.M. Tolstoluzhinskaya

Tyumen State University, Tyumen, Russia

Информация об авторах:

Морозов Виктор Иванович – кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист РФ (SPIN-код: 4961-8730; Researcher ID: ABC-9564-2021; ORCID iD: 0000-0002-0627-4083; Scopus Author ID: 695564). Место работы и должность: заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет». Адрес: Россия, 625003, г. Тюмень, ул. Володарского, 6. Телефон: +7 (3452) 59-74-00 внутр. 10144, электронный адрес: v.i.morozov@utmn.ru

Абдулвалиев Алмаз Фирзьярович – кандидат юридических наук, доцент (SPIN-код: 1041-6560; Researcher ID: Q-6544-2018; ORCID iD: 0000-0002-0390-393X; Scopus Author ID: 503510). Место работы и должность: доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет». Адрес: Россия, 625003, г. Тюмень, ул. Володарского, 6. Телефон: +7 (922) 268-56-52, электронный адрес: a.f.abdulvaliev@utmn.ru

Толстолужинская Елена Михайловна – кандидат юридических наук, доцент (SPIN-код: 4329-3350; Researcher ID: B-4416-2019; ORCID iD: 0000-0003-4565-0552; Scopus Author ID: 452799). Место работы и должность: доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет». Адрес: Россия, 625003, г. Тюмень, ул. Володарского, 6. Телефон: +7 (922) 471-87-80, электронный адрес: e.m.tolstoluzhinskaya@utmn.ru

Information about the authors:

Morozov Viktor Ivanovich – PhD of Legal Science, Associate Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (SPIN code: 4961-8730; Researcher ID: ABC-9564-2021; ORCID iD: 0000-0002-0627-4083; Scopus Author ID: 695564). Place of work and position: Head of the Department of Criminal Law Disciplines of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Tyumen State University". Address: Russia, 625003, Tyumen, 6 Volodarsky st. Phone: +7 (3452) 59-74-00 ext. 10144, email address: v.i.morozov@utmn.ru

Abdulvaliev Almaz Firziarovich – PhD of Legal Sciences, Associate Professor (SPIN-code: 1041-6560; Researcher ID: Q-6544-2018; ORCID iD: 0000-0002-0390-393X; Scopus Author ID: 503510). Place of work and position: Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Tyumen State University". Address: Russia, 625003, Tyumen, 6 Volodarsky st. Phone: +7 (922) 268-56-52, email address: a.f.abdulvaliev@utmn.ru

Elena Mikhailovna Tolstoluzhinskaya – Candidate of Law, Associate Professor (SPIN-code: 4329-3350; Researcher ID: B-4416-2019; ORCID iD: 0000-0003-4565-0552; Scopus Author ID: 452799). Place of work and position: Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Tyumen State University". Address: Russia, 625003, Tyumen, 6 Volodarsky st. Phone: +7 (922) 471-87-80, email address: e.m.tolstoluzhinskaya@utmn.ru

В статье рассматриваются вопросы квалификации преступлений, предусмотренных ст. 110, ст. 110.1 и ст. 110.2 УК РФ, а также криминалистическая характеристика криминального суицида. *Целью исследования* является оказание теоретической помощи практическим работникам при раскрытии и расследовании преступлений рассматриваемого вида. Особый интерес представляет организация взаимодействия должностных лиц правоохранительных органов с медицинскими службами системы здравоохранения. *Материалами для исследования* послужили кодифицированные нормативные правовые акты, содержащие в себе нормы уголовного права, и устанавливающие уголовную ответственность за доведение до самоубийства; тексты судебных решений (приговоры и постановления судов общей юрисдикции РФ) по уголовным делам, связанным с доведением до самоубийства и склонению к совершению самоубийства, вынесенным в период с 2015 по 2021 годы; статистические данные о количестве совершенных случаев криминального суицида на территории Российской Федерации; позиции ученых-правоведов и криминалистов, посвященных квалификации и расследованию криминального суицида. В качестве основных методов исследования были использованы исторический, сравнительно-правовой, аналитический и статистический методы, которые позволили получить следующие результаты. *Pe-*

зультаты. В 72% случаев самоубийство совершалось жертвами дома по месту проживания. Жертвами доведения до самоубийства становились женщины (74% изученных случаев) в возрасте от 25 до 50 лет. 49% потерпевших на момент совершения криминального суицида не состояли в браке, были трезвы и ранее не имели склонностей к суициду (90% жертв). Преступления изучаемого вида в 84% случаев совершили лица мужского пола в возрасте от 20 до 55 лет. 58% субъектов преступления были женаты или жили в гражданском браке, около 87% – не состояли на учёте у психиатра или нарколога, более 60% – имели детей. 57% преступлений были совершены из ненависти (личной неприязни). Среди причин криминальных суицидов: систематическое унижение человеческого достоинства (42,39%), жестокое обращение (38,05%), угрозы (13%), уговоры и увещания (3%), вовлечение в суицидальные игры (2%). В заключении авторы предлагают алгоритм подбора объектов, которые должны быть предоставлены эксперту, а также формулировку предмета судебной психолого-психиатрической экспертизы. В качестве предложения высказываются о необходимости корректировки норм ст. 110, ст. 110.1 и ст. 110.2 УК, устраняющей неоднозначные формулировки состава преступления для правильной квалификации деяния.

Ключевые слова: криминальный суицид, преступление, доведение до самоубийства, склонение к самоубийству, уголовное право, криминалистика, судебная экспертиза

Суицид является одним из негативных социальных явлений. Общественную опасность представляют действия тех лиц, которые определённым образом способствуют совершению самоубийств другими лицами. Противодействие такому поведению вряд ли возможно без использования уголовно-правовых средств.

Если рассматривать исторический аспект уголовной ответственности за причастность к суицидальному поведению в России, то следует отметить, что уже в первом кодифицированном своде уголовных законов – Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года предусматривалось уголовное наказание за склонение к самоубийству и пособничество ему (ст. 1946) [1]. Уголовное уложение 1903 года устанавливало уголовное наказание для виновного в предоставлении средств для самоубийства, если вследствие этого самоубийство последовало (ст. 462). Кроме того, ст. 463 Уголовного уложения предусматривала ответственность за подстрекательство (подговор) к самоубийству лица, не достигшего 21 года или невменяемого, содействие самоубийству таких лиц советом или указанием, предоставлением средств или устранением препятствий, если это привело к самоубийству или покушению на самоубийство этих лиц [2]. Первый Уголовный кодекс РСФСР 1922 года закреплял в качестве преступления содействие или подговор к самоубийству несовершеннолетнего или лица, заведомо неспособного понимать свойства или значение им совершаемого, или руководить своими поступками, если самоубийство или покушение на него последовали (ст.148) [3]. Уголовный кодекс РСФСР 1926 года, полностью сохранив в ч. 2 ст. 141 уголовную ответственность за деяния, предусмотренные в ст. 148 предыдущего кодекса (в той же самой редакции), в ч. 1 ст. 141 предусмотрел ответственность за доведение

Suicide is one of the negative social phenomena. The public danger is represented by the actions of those persons who in a certain way contribute to the committing suicide by other persons. Counteraction to such behavior is hardly possible without the use of criminal law means.

If we consider the historical aspect of criminal responsibility for involvement in suicidal behavior in Russia, it should be noted that already in the first codified set of criminal laws – the Code of Penalties and Correctional Laws of 1845 – criminal punishment was provided for inducing suicide and driving to it (Art. 1946) [1]. The Criminal Code of 1903 established criminal punishment for a person guilty of providing means for suicide if, as a result, suicide was committed (Article 462). In addition, Art. 463 of the Criminal Code provided for liability for incitement (conspiracy) to suicide of a person under 21 years of age or insane, assistance in the suicide of such persons with advice or instructions, provision of funds or removal of obstacles, if this led to suicide or attempted suicide of these persons [2]. The First Criminal Code of the Russian Soviet Republic of 1922 enshrined as a crime assisting or conspiring to commit suicide of a minor or a person knowingly incapable of understanding the properties or meaning of what they were committing or directing their actions if suicide or attempted suicide followed (Article 148)) [3]. The Criminal Code of the Russian Soviet Republic of 1926, fully retaining in part 2 of Art. 141 criminal liability for acts provided for in Art. 148 of the previous code (in the same edition), in part 1 of Art. 141 provided for the responsibility for bringing to suicide or attempted suicide of a person who is in ma-

до самоубийства или покушения на него лица, находящегося в материальной или иной зависимости путём жестокого обращения с потерпевшим или иным подобным путём [4]. Уголовный кодекс РСФСР 1960 года в ст. 107 предусматривал уголовную ответственность за доведение до самоубийства или покушения на самоубийство лица, находящегося в материальной или иной зависимости от виновного путём жестокого обращения с потерпевшим или систематического унижения его личного достоинства [5]. Таким образом, все рассмотренные выше законодательные акты, содержащие систематизированные нормы уголовного права, предусматривали уголовную ответственность для лиц, причастных к самоубийству другого лица.

Не стал исключением и ныне действующий Уголовный кодекс Российской Федерации, вступивший в силу с 01 января 1997 года. В его первоначальной редакции, в статье 110, была предусмотрена уголовная ответственность за доведение до самоубийства или покушения на самоубийство путём угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего. В дальнейшем, реагируя на увеличение количества самоубийств несовершеннолетних, увеличение количества призывов к самоубийствам с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», зачастую с использованием игр, таких, например, как «Синий кит», «F-57» и ряда других, законодатель принял Федеральный закон от 7 июня 2017 года № 120-ФЗ, которым дополнил ст. 110 УК РФ частью второй, предусмотрев в ней ряд квалифицирующих обстоятельств, а также включил в уголовное законодательство России два новых состава преступления – ст. 110.1 «Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства» и ст. 110.2 «Организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства» [6].

Основным объектом уголовно-правовой охраны во всех трёх нормах (ст. 110–110.2 УК РФ) является жизнь человека. Это подтверждается и тем, что они размещены в главе 16 Уголовного кодекса Российской Федерации «Преступления против жизни и здоровья», а также расположением данных норм внутри этой главы, после статьи 109, в которой предусмотрена ответственность за причинение смерти по неосторожности. Факультативным объектом в статьях 110 и 110.1 УК РФ являются общественные отношения, обеспечивающие нормальное нравственное и физическое развитие несовершеннолетних, когда данные деяния совершаются в отношении несовершеннолетних, что явля-

terial or other dependence through cruel treatment of the victim or in another similar way [4]. The Criminal Code of the Russian Soviet Republic 1960 in Art. 107 provided for criminal liability for driving to suicide or attempted suicide of a person who is financially or otherwise dependent on the perpetrator through cruel treatment of the victim or systematic humiliation of his personal dignity [5]. Thus, all the legislative acts considered above, containing systematized norms of criminal law, provided for criminal liability for persons involved in the suicide of another person.

The current Criminal Code of the Russian Federation, which came into force on January 1, 1997, was no exception. In its original version, in Article 110, criminal liability was provided for driving to suicide or attempted suicide by threats, cruel treatment or systematic humiliation of the victim's human dignity. In the future, in response to an increase in the number of juvenile suicides, an increase in the number of calls for suicide using information and telecommunication networks, including the Internet, often with the use of games, such as the Blue Whale, "F-57" and a number of others, the legislator adopted the Federal Law of June 7, 2017 No. 120-FZ, which supplemented Art. 110 of the Criminal Code of the Russian Federation, part of the second, providing for a number of qualifying circumstances in it, and also included in the criminal legislation of Russia two new *corpus delicti* – Art. 110.1 "Inclination to commit suicide or assistance to commit suicide" and Art. 110.2 "Organization of activities aimed at inducement to commit suicide" [6].

The main object of criminal law protection in all three norms (Articles 110–110.2 of the Criminal Code of the Russian Federation) is human life. This is confirmed by the fact that they are placed in Chapter 16 of the Criminal Code of the Russian Federation "Crimes against life and health", as well as the location of these norms within this chapter, after Article 109, which provides for liability for causing death by negligence. An optional object in Articles 110 and 110.1 of the Criminal Code of the Russian Federation are public relations that ensure the normal moral and physical development of minors when these acts are committed against minors, which is a qualifying feature of these offenses. Attention is drawn to the fact that in article 110.2 of the Criminal Code of the Russian Federation there is no

ется квалифицирующим признаком данных составов преступлений. Обращает на себя внимание тот факт, что в статье 110.2 УК РФ подобный квалифицирующий признак отсутствует. В научной литературе неоднократно подчёркивался и высокий уровень самоубийств несовершеннолетних в России, по сравнению с другими странами (этот показатель более чем в три раза превышает среднемировой) [7], а также опасность целенаправленного воздействия именно на категорию несовершеннолетних при организации деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства, представляется целесообразным предусмотреть такое квалифицирующее обстоятельство и в ст. 110.2 УК РФ. Очевидно, что воздействие на малолетнего лица (не достигшего 14 лет), в силу особенностей детской психики, более общественно опасно, чем случаи, когда потерпевшему от 14 до 18 лет. Поэтому считаем, что в статьях 110–110.1 УК РФ необходимо предусмотреть такой признак особо квалифицированного преступления, как совершение подобных деяний в отношении малолетних.

Объективная сторона ст. 110 УК РФ предусматривает ответственность только при наличии хотя бы одного из перечисленных в этой статье способов доведения до самоубийства или покушения на него – угрозы, жестокого обращения и систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего. Однако, как среди учёных, так и в судебной практике нет единого подхода к толкованию содержания этих способов, что отрицательно влияет на эффективность применения анализируемой уголовно-правовой нормы. Так, некоторые специалисты отмечают, что поскольку законодатель указывает на угрозы во множественном числе, наличие разовой угрозы не образует состав преступления, даже если это привело к самоубийству потерпевшего [8]. Вряд ли с данной точкой зрения можно согласиться, поскольку дело не в количестве угроз, а в их содержании, в глубине морально-психологического воздействия на потерпевшего. Даже разовая угроза, например, связанная с распространением позорящих сведений, угроза причинения тяжких увечий, может сформировать решимость совершить самоубийство. Виновный, в таком случае, может быть привлечён к уголовной ответственности по ст. 110 УК РФ. Этому есть подтверждение и в изученных нами материалах судебной практики. Так, подросток-четвероклассник неоднократно обижал и оскорблял своего одноклассника – являющегося представителем народов Северного Кавказа, обзывая его «нигером», «обезьяной» или «волосатой гориллой». Впоследствии

such qualifying feature. The scientific literature has repeatedly emphasized the high level of juvenile suicides in Russia, in comparison with other countries (this indicator is more than three times higher than the world average) [7], as well as the danger of deliberately influencing the category of minors when organizing activities aimed at encouraging suicide, it seems appropriate to provide for such a qualifying circumstance in Art. 110.2 of the Criminal Code of the Russian Federation. Obviously, the impact on a minor (under 14 years of age), due to the peculiarities of the child's psyche, is more socially dangerous than cases when the victim is from 14 to 18 years old. Therefore, we believe that in Articles 110–110.1 of the Criminal Code of the Russian Federation it is necessary to provide for such a sign of a particularly qualified crime as the commission of such acts in relation to minors.

The objective side of Art. 110 of the Criminal Code of the Russian Federation provides for liability only if there is at least one of the methods listed in this article of leading to suicide or attempted suicide – threats, cruel treatment and systematic humiliation of the victim's human dignity. However, both among scientists and in judicial practice there is no common approach to the interpretation of the content of these methods, which negatively affects the effectiveness of the application of the analyzed criminal law norm. Thus, some experts note that since the legislator points out threats in the plural, the presence of a one-time threat does not constitute a crime, even if this led to the suicide of the victim [8]. It is unlikely that one can agree with this point of view, since the point is not in the number of threats, but in their content, in the depth of the moral and psychological impact on the victim. Even a one-time threat, for example, associated with the dissemination of defamatory information, the threat of inflicting serious injury, can shape the determination to commit suicide. The perpetrator, in this case, may be prosecuted under Art. 110 of the Criminal Code of the Russian Federation. This is confirmed in the materials of judicial practice we studied. For example, a fourth-grade teenager repeatedly offended and insulted his classmate who belonged to the peoples of the North Caucasus calling him a “nigger”, “monkey” or “hairy gorilla”. Subsequently, this teenager complained about the abuser to his father. In his turn, the

этот подросток пожаловался на обидчика своему отцу. Тот, в свою очередь, утром в школе поймал обидчика и в течение 5 минут (с 08.25 до 08.30) на повышенных тонах с использованием ненормативной лексики и активной жестикуляции высказал ему различные угрозы физической расправы, включая фразы «размажу по стенке», «тебе не жить», требуя, чтобы тот больше не обижал его сына. Сильно испугавшись, после школы по пути следования домой обидчик принял решение покончить жизнь самоубийством. Придя домой, он выпрыгнул с балкона своей квартиры, расположенной на 13 этаже. Как в последующем показала посмертная комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза, у покончившего с жизнью подростка развились признаки острой реакции на тяжёлый стресс, острое чувство страха, параноидоподобная симптоматика и импульсивное самоубийство как деструктивный выход из психотравмирующей ситуации [9].

Следует признать, что употребление в тексте закона термина «угрозы» ориентирует правоприменителя на разновидность угроз, а не на их множественность [7]. Обязательным признаком угрозы является её противоправность. Поэтому если речь идёт о намерении совершить законные действия, например, о сообщении в полицию информации о совершённом лицом преступлении, даже если последний совершит самоубийство, опасаясь огласки этого факта и привлечения к уголовной ответственности, состав преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ, отсутствует. Кроме того, потерпевший должен воспринимать угрозу как реальную, то есть он считает, что виновный собирается её реализовать, независимо от наличия у последнего такого намерения.

Жестокое обращение – это деяние, характеризующееся физическим или психическим насилием в отношении потерпевшего, проявляющееся в виде побоев, иных действий, носящих характер мучений и истязаний, таких как лишение воды, пищи, одежды, содержание в непригодных для жизни условиях, принуждение к совершению действий помимо воли человека, например, принуждение к труду, действиям сексуального характера и т.д. В научной литературе имеется утверждение о том, что жестокое обращение – это деятельность, длящаяся во времени [7]. Однако вряд ли это можно отождествлять с тем, что особая жестокость не может проявляться в единичных случаях, поскольку и единичный случай может иметь длящийся характер, например, если виновный наносит побои потерпевшему в течение нескольких часов. Текст уголовного закона не даёт ответа на вопрос, в отношении

next morning he caught the offender at school and within 5 minutes (from 08.25 to 08.30), in a raised voice using profanity and active gestures, expressed various threats of physical violence to him, including the phrases “I’ll smear you against the wall”, “you will not live” demanding that he no longer offend his son. Strongly frightened, after school on the way home, the abuser made the decision to commit suicide. Arriving home, he jumped from the balcony of his apartment located on the 13th floor. As the posthumous complex forensic psychological and psychiatric examination subsequently showed, the adolescent who committed suicide developed signs of an acute reaction to severe stress, an acute feeling of fear, paranoid-like symptoms and impulsive suicide as a destructive way out of a psycho-traumatic situation [9].

It should be recognized that the use of the term “threats” in the text of the law orients the law-applicant to the variety of threats, and not to their plurality [7]. An obligatory sign of a threat is its illegality. Therefore, if we are talking about the intention to commit lawful actions, for example, reporting the information about a crime committed by a person to the police, even if the latter commits suicide, fearing publicity of this fact and criminal prosecution, the *corpus delicti* under Art. 110 of the Criminal Code of the Russian Federation, absent. In addition, the victim must perceive the threat as real, that is, they believe that the perpetrator is going to implement it, regardless of whether the latter has such an intention.

Ill-treatment is an act characterized by physical or mental violence against the victim, manifested in the form of beatings, other actions that are in the nature of torment and torture, such as deprivation of water, food, clothing, detention in conditions unsuitable for life, coercion to commit actions against the will of a person, for example, compulsion to work, actions of a sexual nature, etc. There is a statement in the scientific literature that abuse is an activity that lasts over time [7]. However, this can hardly be equated with the fact that special cruelty cannot manifest itself in isolated cases, since even a single case can be of a continuing nature, for example, if the perpetrator beats the victim for several hours. The text of the criminal law does not provide an answer to the question of whom may be mistreated as a way to drive to suicide. It seems that the *corpus delicti* will also be in the case when, in order to drive the victim to

кого может быть допущено жестокое обращение, как способ доведения до самоубийства. Представляется, что состав преступления будет и в том случае, когда в целях доведения до самоубийства потерпевшего, допускается жестокое обращение с его ребёнком или любимым животным. Это является, фактически, разновидностью психического насилия.

Систематическое унижение человеческого достоинства может выражаться в несправедливой критике, травле, «словесном» издевательствах, оскорблении, откровенном глумлении, клеветнических измышлениях. В научной литературе высказывается мнение о том, что эти деяния должны носить многократный характер [10]. Представляется использование данного термина не совсем корректно, поскольку он предполагает установление двух и более фактов подобного поведения со стороны виновного. Однако законодатель указывает на признак «систематичности» подобных действий. Поэтому, на наш взгляд, должно быть установлено не менее трёх подобных фактов со стороны виновного. В данном случае должны быть установлены и временные рамки их совершения. Поскольку, исходя из смысла статьи 110 УК РФ, речь идёт об интенсивном воздействии на психику потерпевшего, повлекшем его самоубийство или покушение на самоубийство, есть все основания полагать, что для наличия этого признака рассматриваемого состава преступления, необходимо установления не менее трёх фактов подобного поведения со стороны виновного в течение года. Повышенной общественной опасностью обладает так называемый кибербуллинг, то есть травля, оскорбление человека, осуществляемые с использованием цифровых технологий, когда эти действия приводят к кибербуллициду – самоубийству, произошедшему вследствие столкновения с агрессией и ненавистью в сети «Интернет». В связи с этим следует признать справедливым включение в часть 2 статьи 110 УК РФ квалифицирующего признака, предусмотренного пунктом «д», предусматривающим более суровую ответственность в случае использования для совершения преступления информационно - телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет».

Сложности с уголовно-правовой оценкой систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего возникают в том случае, когда такое воздействие на виновного осуществляется несколькими лицами, когда в действиях каждого из них признак систематичности отсутствует. В этом случае привлечение к уголовной ответственности возможно только при установлении факта сговора этих лиц (двух и бо-

suicide, cruel treatment of their child or beloved animal is allowed. This is, in fact, a kind of mental violence.

Systematic humiliation of human dignity can be expressed in unfair criticism, bullying, "verbal" mockery, insult, outright mockery, slanderous fabrications. In the scientific literature, the opinion is expressed that these acts should be repeated in nature [10]. It seems that the use of this term is not entirely correct since it presupposes the establishment of two or more facts of similar behavior on the part of the culprit. However, the legislator points to the sign of "systematicity" of such actions. Therefore, in our opinion, at least three such facts should be established on the part of the guilty party. In this case, the time frame for their implementation should also be established. Since, based on the interpretation of Article 110 of the Criminal Code of the Russian Federation, we are talking about an intense impact on the psyche of the victim, which entailed their suicide or attempted suicide, there is every reason to believe that for this sign of the considered corpus delicti, it is necessary to establish at least three facts of such behavior on the part of the perpetrator during the year. The so-called cyberbullying, that is, bullying, insulting a person carried out using digital technologies, when these actions lead to cyberside – a suicide that occurs as a result of a collision with aggression and hatred on the Internet, has an increased public danger. In this regard, it is necessary to recognize as fair the inclusion in part 2 of Article 110 of the Criminal Code of the Russian Federation of the qualifying sign provided for in clause "d", which provides for more severe liability in the event that information and telecommunication networks, including the Internet, are used to commit a crime.

Difficulties with the criminal-legal assessment of the systematic humiliation of the victim's human dignity arise when such an impact on the perpetrator is carried out by several persons, when there is no sign of systematicity in the actions of each of them. In this case, criminal prosecution is possible only upon establishing the fact of collusion of these persons (two or more) to jointly commit such acts. The deed should be qualified under clause "d" and clause "e" (if the Internet was used to influence) Part 2 of Art. 110 of the Criminal Code of the Russian Federation. It is also difficult to imagine the

лее) на совместное совершение таких деяний. Содеянное следует квалифицировать по п. «г» и по п. «д» (если использовалась для воздействия сеть «Интернет») ч. 2 ст. 110 УК РФ. Также сложно представить перспективу вынесения обвинительного приговора, когда травля потерпевшего в сети «Интернет» осуществлялась массово, большим количеством лиц. В таком случае невозможно установить, чьи именно систематические действия привели к самоубийству потерпевшего.

Состав преступления, предусмотренный ст. 110 УК РФ является материальным, поскольку внешнее воздействие способами, указанными в этой уголовно-правовой норме, должно привести к самоубийству или покушению на самоубийство потерпевшего. Под покушением на самоубийство мы понимаем действия, направленные на лишение самого себя жизни, не доведённые до конца по обстоятельствам, не зависящим от воли этого лица. Добровольное прекращение действий, направленных на лишение самого себя жизни, является добровольным отказом от самоубийства, и в этом случае содеянное не содержит признаков преступления, предусмотренного данной уголовно-правовой нормой. Однако, если способы воздействия на такое лицо содержат признаки другого преступления (например, умышленное причинение вреда здоровью, истязание, клевета и др.), содеянное виновным подлежит квалификации по соответствующей статье УК РФ. Установление правоохранительными органами факта добровольного отказа от самоубийства, даже при отсутствии признаков состава преступления, является основанием для проведения профилактических мероприятий, направлением информации в соответствующие медицинские службы системы здравоохранения.

Таким образом, для привлечения к уголовной ответственности по ст. 110 УК РФ необходимо установление причинной связи между деянием, совершённым с использованием хотя бы одного из перечисленных способов и совершением самоубийства или покушения на него. Специфика причинной связи в данном случае заключается в том, что в результате указанных в диспозиции деяний у потерпевшего формируется или в значительной степени укрепляется желание уйти из жизни. То есть необходимо установить, что такие деяния были главной и основной причиной принятия решения о совершении самоубийства, и в результате их совершения с внутренней необходимостью закономерно возникает такое желание.

Угрозы, оскорбления, жестокое обращение, систематическое унижение человеческого достоинства

prospect of a guilty verdict, when the victimization on the Internet was carried out en masse, by a large number of people. In this case, it is impossible to establish exactly whose systematic actions led to the suicide of the victim.

The corpus delicti under Art. 110 of the Criminal Code of the Russian Federation is material, since external influence by the methods specified in this criminal law norm should lead to suicide or attempted suicide of the victim. By attempted suicide, we mean actions aimed at depriving oneself of life, not brought to an end due to circumstances beyond the control of this person. Voluntary cessation of actions aimed at depriving oneself of life is a voluntary renunciation of self-murder, and in this case the deed does not contain signs of a crime provided for by this criminal law norm. However, if the methods of influencing such a person contain signs of another crime (for example, deliberate harm to health, torture, slander, etc.), the deed by the perpetrator is subject to qualification under the relevant article of the Criminal Code of Russian Federation. The establishment by law enforcement agencies of the fact of voluntary refusal to commit suicide, even in the absence of signs of corpus delicti, is the basis for taking preventive measures, sending information to the appropriate medical services of the health care system.

Thus, in order to prosecute under Art. 110 of the Criminal Code of the Russian Federation, it is necessary to establish a causal relationship between an act committed using at least one of the listed methods and committing suicide or attempted suicide. The specificity of the causal relationship in this case lies in the fact that as a result of the acts indicated in the disposition, the victim's desire to die is formed or to a large extent strengthened. That is, it is necessary to establish that such acts were the important and main reason for making a decision to commit suicide, and as a result of their commission with internal necessity, such a desire naturally arises.

Threats, insults, abuse, systematic humiliation of human dignity are the dominant factors in shaping the determination to die. We must agree with the authors who believe that in order to establish signs of causation in the composition of the crime under Art. 110 of the Criminal Code of Russian Federation, it is advisable to take into account the conclusion of a forensic psychological and

являются доминирующими факторами в формировании решимости уйти из жизни. Следует согласиться с авторами, считающими, что для установления признаков причинной связи в составе преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ целесообразно учитывать заключение судебной психолого-психиатрической экспертизы, позволяющей оказать помощь в установлении тех изменений в психике лица, совершившего самоубийство (либо покушение на самоубийство), которые произошли под воздействием виновного и в конечном итоге определить, является ли это решающим фактором в формировании желания уйти из жизни или нет [11].

Если же интенсивность воздействия такова, что потерпевший фактически не в состоянии проявить свою волю и совершает самоубийство, не имея возможности руководить своими действиями, то содеянное следует квалифицировать по ст. 105 УК РФ «Убийство», например, когда виновный оказывает гипнотическое воздействие на потерпевшего либо если, по заключению экспертов, учитывая внушаемость жертвы, она полностью подчинялась указаниям преступника, желающего её смерти. Поскольку одним из условий самоубийства является его добровольность, при квалификации действий виновного важно учитывать степень добровольности принятия решения об уходе из жизни. В случаях, когда несмотря на то, что степень добровольности принятия решения ограничена в условиях внешнего воздействия, но всё-таки имеет место, деяния виновного следует квалифицировать по ст. 110 УК РФ. Когда же интенсивность воздействия на потерпевшего со стороны виновного такова, что добровольность принятия решения фактически отсутствует, содеянное является убийством (ст. 105 УК РФ). Именно в установлении наличия или отсутствия условия добровольности принятия решения об уходе из жизни важную роль играет заключение специалиста.

Субъектом преступления, ответственность за которое предусмотрено ст. 110 УК РФ, является физическое, вменяемое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста, то есть обладающее признаками общего субъекта преступления. В научной литературе высказывалась точка зрения о необходимости снижения возраста уголовной ответственности за совершение данного преступления [12]. Однако следует считать, что с учётом специфики совершения данного деяния, подросток в возрасте от 14 до 16 лет, даже выражая угрозы, допуская проявления жестокости или систематически унижая достоинство потерпевшего, вряд ли

psychiatric examination, which makes it possible to provide assistance in establishing those changes in the psyche of a person who committed suicide (or attempted suicide) that occurred under the influence of the culprit and ultimately determine whether this is a decisive factor in the formation of the desire to die or not [11].

If the intensity of the impact is such that the victim is actually unable to show their will and commits suicide, not being able to direct their actions, then the deed should be qualified under Art. 105 of the Criminal Code of the Russian Federation as "Murder", for example, when the perpetrator has a hypnotic effect on the victim, or if, according to experts, given the suggestibility of the victim, they completely obeyed the instructions of the offender who wants their death. Since one of the conditions for suicide is its voluntariness, when qualifying the actions of the culprit, it is important to take into account the degree of voluntariness in the decision to deprive life. In cases where, despite the fact that the degree of voluntariness in decision-making is limited in conditions of external influence, but still takes place, the acts of the culprit should be qualified under Art. 110 of the Criminal Code of the Russian Federation. When the intensity of the impact on the victim on the part of the perpetrator is such that there is virtually no voluntary decision-making, the deed is murder (Article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation). It is in establishing the presence or absence of a condition of voluntariness in making a decision to die an important role is played by the conclusion of a specialist.

The subject of the crime, the responsibility for which is provided for by Art. 110 of the Criminal Code of Russian Federation, is a sane individual who has reached the age of sixteen, that is, has the characteristics of a common subject of a crime. In the scientific literature, a point of view has been expressed about the need to reduce the age of criminal responsibility for the commission of this crime [12]. However, it should be considered that considering the specifics of the commission of this act, a teenager between the ages of 14 and 16, even when expressing threats, allowing manifestations of cruelty or systematically humiliating the victim's dignity, is unlikely to realize the social danger that these actions can bring the victim to the suicide, to the extent sufficient to be prosecuted. It is worth agreeing with Ya.I.

осознает общественную опасность того, что эти действия могут довести потерпевшего до самоубийства, в степени, достаточной для привлечения к уголовной ответственности. Стоит согласиться с Я.И. Гилинским в том, что снижение возраста уголовной ответственности на современном этапе развития нашего общества нецелесообразно [13].

Много споров среди учёных вызывает содержание субъективной стороны данного преступления. Некоторые специалисты считают, что доведение до самоубийства – это умышленное преступление, которое может быть совершено как с прямым, так и с косвенным умыслом [14], другие считают, что данное деяние совершается только с косвенным умыслом [15] и наконец, третьи полагают, что это преступление может быть совершено как умышленно, так и по неосторожности [16]. Учитывая, что в ст. 110 УК РФ отсутствует указание на форму вины, в соответствии с содержанием ст. 24 УК РФ, данное преступление может быть совершено как умышленно, так и по неосторожности. Проведённые ранее исследования судебной практики показывают, что подавляющее большинство обвинительных приговоров, касающихся признания лица виновным в доведении до самоубийства, констатируют наличие косвенного умысла [8], что подтверждается и результатами проведённого нами исследования. Это объясняется отсутствием официального толкования Верховным Судом Российской Федерации порядка применения данной уголовно-правовой нормы, в том числе и в части, касающейся содержания субъективной стороны данного состава преступления. Поэтому суды в ряде случаев «страхуются», признавая наличие косвенного умысла тогда, когда фактически деяние совершено по неосторожности. Такие приговоры справедливо критикуются в научных публикациях [12].

Что касается доведения до самоубийства с прямым умыслом, то, по нашему мнению, это возможно. Так, если виновный, жестоко обращаясь с потерпевшим, желает, чтобы последний покончил жизнь самоубийством, вряд ли это можно назвать способом убийства, если у потерпевшего, понимающего истинный характер происходящего, есть выбор – уйти из жизни или остаться жить. Не случайно максимальный размер санкции даже в ч. 1 ст. 110 УК РФ – 6 лет лишения свободы, сопоставим с минимальным размером санкции по ч. 1 ст. 105 УК РФ, предусматривающей ответственность за убийство, а при наличии квалифицирующих признаков, предусмотренных в ч. 2 ст. 110 УК РФ, может быть назначено наказание от 8 до 15 лет

Gilinsky is that lowering the age of criminal responsibility at the present stage of development of our society is inexpedient [13].

A lot of controversy among scientists is caused by the content of the subjective side of this crime. Some experts believe that driving to suicide is a deliberate crime that can be committed with both direct and indirect intent [14], others believe that this act is committed only with indirect intent [15] and finally, some believe that this crime can be committed both intentionally and negligently [16]. Considering that in Art. 110 of the Criminal Code of Russian Federation there is no indication of the form of guilt, in accordance with the content of Art. 24 of the Criminal Code of Russian Federation, this crime can be committed both intentionally and through negligence. Previous studies of judicial practice show that the overwhelming majority of convictions related to the conviction of a person guilty of driving to suicide, state the presence of indirect intent [8], which is confirmed by the results of our study. This is resulted by the lack of an official interpretation by the Russian Federation Supreme Court of the procedure for applying this criminal law norm, including in the part concerning the content of the subjective side of this corpus delicti. Therefore, the courts in a number of cases are "insured", recognizing the presence of indirect intent when, in fact, the act was committed through negligence. Such sentences are rightly criticized in scientific publications [12].

As for driving to suicide with direct intent, then, in our opinion, it is possible. So, if the perpetrator by treating the victim cruelly wants the latter to commit suicide, this can hardly be called a method of murder, as the victim who understands the true nature of what is happening has a choice – either to get deprived of this life or stay alive. It is no coincidence that the maximum amount of the sanction even in Part 1 of Art. 110 of the Criminal Code of Russian Federation is 6 years in prison, comparable to the minimum amount of the sanction under Part 1 of Art. 105 of the Criminal Code of Russian Federation, which provides for liability for murder, and in the presence of qualifying signs provided for in Part 2 of Art. 110 of the Criminal Code of the Russian Federation, punishment from 8 to 15 years in prison may be imposed. In our opinion, the proposals of the authors to include in part 2 of Art. 110 of the Criminal Code of Russian Federation, a qualifying feature that characterizes driving

лишения свободы. На наш взгляд, заслуживают поддержки предложения авторов о включении в часть 2 ст. 110 УК РФ квалифицирующего признака, характеризующего доведение до самоубийства с прямым умыслом [8]. Например, то же деяние, совершённое... «е) с целью доведения потерпевшего до самоубийства».

Доведение до самоубийства с прямым умыслом необходимо отличать от убийства. Содеянное следует квалифицировать по ст. 105 УК РФ в том случае, когда у потерпевшего нет выбора – жить или уйти из жизни, а остаётся только выбор способа – либо самому, либо это сделают за него, но уже мучительным способом, причиняющем особые страдания. Нет сомнений в том, что, если до самоубийства доводится психически беспомощная жертва, содеянное следует квалифицировать как убийство [17]. Таким же образом следует квалифицировать содеянное, когда жертвой является малолетний, в силу возраста не понимающий истинный характер и значение тех действий, до которых его доводит виновный. Убийство будет и в том случае, когда воля потерпевшего полностью находится под контролем виновного, и фактически действиями потерпевшего по лишению себя жизни руководит виновный.

Как уже отмечалось выше, в целях повышения эффективности уголовно-правового противодействия совершению самоубийств Уголовный кодекс Российской Федерации в 2017 году был дополнен статьями 110.1 и 110.2, предусматривающими уголовную ответственность за склонение к самоубийству, содействие ему и за организацию деятельности по побуждению к совершению суицида. Анализ статистических данных, осуществлённый ранее другими исследователями, свидетельствует о единичных случаях применения этих новелл уголовного законодательства [18]. Проведённое нами исследование подтверждает эти выводы. В частности, изучая судебную практику за 2020 и 2021 годы, было выявлено 3 обвинительных приговора, вступивших в законную силу, где действия виновного квалифицированы по ст. 110.1 УК РФ и один, касающийся ст. 110.2 УК РФ.

Давая уголовно-правовую характеристику вышеуказанных правовых норм, необходимо сослаться на позицию М.В. Бавсуна о том, что эти статьи УК РФ предусматривают самостоятельную уголовную ответственность подстрекателей к совершению самоубийства, пособников в их совершении (ст. 110.1 УК РФ) и организаторов деятельности по побуждению к суициду (ст. 110.2 УК РФ). Однако вряд ли можно согла-

to suicide with direct intent [8]. For example, the same act committed ... "f) with the aim of driving the victim to suicide."

Direct intentional suicide must be distinguished from murder. The deed should be qualified under Art. 105 of the Criminal Code of Russian Federation in the case when the victim has no choice – to live or to die, and the only choice that remains is the choice of the method of suicide – either to do it themselves, or someone will do it for them but in a painful way causing additional suffering. There is no doubt that if a mentally helpless victim is driven to suicide, the deed should be qualified as murder [17]. In the same way, the deed should be qualified when the victim is a minor who, due to their age, does not understand the true nature and meaning of those actions to which the guilty person drives them. Murder will also take place when the will of the victim is completely under the control of the guilty person, and in fact, the guilty man directs the actions of the victim to take their own life.

As it was noted above, in order to increase the effectiveness of the criminal-legal counteraction to committing suicides, the Criminal Code of Russian Federation in 2017 was supplemented with Articles 110.1 and 110.2, which provide for criminal liability for inclination to suicide, assistance to it and for organizing activities to induce committing suicide. The analysis of statistical data, carried out earlier by other researchers, testifies to isolated cases of the application of these novels of criminal legislation [18]. Our research confirms these findings. In particular, studying the judicial practice for 2020 and 2021, 3 convictions were identified that came into force, where the actions of the guilty person were qualified under Art. 110.1 of the Criminal Code of Russian Federation and one concerning Art. 110.2 of the Criminal Code of Russian Federation.

Giving a criminal-legal description of the above legal norms, it is necessary to refer to the position of M.V. Bavsun that these articles of the Criminal Code of the Russian Federation provide for independent criminal liability of instigators to commit suicide, accomplices in their commission (Article 110.1 of the Criminal Code of Russian Federation) and organizers of activities to induce suicide (Article 110.2 of the Criminal Code of Russian Federation). However, one can hardly agree with his conclusion that there was no need for the adoption of

ситься с его выводом о том, что не было необходимости в принятии самостоятельных уголовно-правовых норм, поскольку содеянное можно было бы квалифицировать через ссылку на ч. 3, 4 или 5 ст. 33 и ст. 110 УК РФ [19]. Уголовно-правовая оценка по ст. 110 УК РФ предполагает наличие одного из трёх способов доведения до самоубийства потерпевшего, указанных в этой статье. Соответственно деятельность соучастников самоубийства, при отсутствии способов, указанных в ст. 110 УК РФ, по-прежнему, осталась бы безнаказанной. Да, собственно говоря, в этом случае встаёт вопрос, о том, соучастие в чьих действиях должны квалифицироваться предлагаемым М.В. Бавсуном способом – того, кто совершил самоубийство или того, кто его до этого довёл – очевидно, что последнего. Законодатель же, принимая ст. 110.1 и 110.2 УК РФ преследовал цель привлечения к уголовной ответственности тех, чьи действия направлены на соучастие в самом самоубийстве, а не в доведении до него. Более того, в ст. 110.1 УК РФ прямо указано на то, что она подлежит применению только при отсутствии признаков состава преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ.

Что же касается ст. 110.2 УК РФ, то она подлежит применению, в отличие от ст. 110 и 110.1 УК РФ в случаях, когда распространение информации о способах совершения самоубийства или призывы к суициду направлены не на конкретного человека или группу лиц, а на неопределённую аудиторию. Если же деяния, предусмотренные ст. 110.2 УК РФ сопровождаются и конкретизированным воздействием, то содеянное следует квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных этой нормой и статьями 110 или 110.1 УК РФ. Справедливо критикуя содержание ст. 110.1 УК РФ, некоторые авторы предлагают объединить части первую и вторую этой статьи, считая, что все действия, указанные в этих частях, можно обозначить термином «склонение» [7]. Частично с этим предложением можно согласиться, поскольку это позволит устранить проблему рассогласованности санкций части первой и второй анализируемой нормы. Следует согласиться с теми авторами, которые подчёркивают, что подстрекательство не менее активная форма, чем пособничество, поэтому наказание за деяния, предусмотренные ч.1 и ч.2 ст. 110.1 УК РФ должно быть одинаковым [20]. Объединение 1 и 2 частей данной статьи позволит решить проблему квалификации действий виновного, который не только уговаривает совершить самоубийство, но и даёт советы, как лучше его совершить. По правилам квалификации,

independent criminal law norms, since the deed could be qualified through a reference to Part 3, 4 or 5 of Art. 33 and Art. 110 of the Criminal Code of Russian Federation [19]. Criminal legal assessment under Art. 110 of the Criminal Code of Russian Federation presupposes the presence of one of three methods of bringing the victim to suicide specified in this article. Accordingly, the activities of accomplices in suicide, in the absence of the methods specified in Art. 110 of the Criminal Code of Russian Federation, as before, would go unpunished. Yes, as a matter of fact, in this case the question arises as to the complicity in whose actions the proposed way у M.V. Bavsun should qualify – the one who committed suicide or the one who brought them to this – it is obvious that the latter. The legislator, however, adopting Art. 110.1 and 110.2 of the Criminal Code of Russian Federation pursued the goal of bringing to criminal responsibility those whose actions are aimed at complicity in the suicide itself, and not in bringing it to him. Moreover, in Art. 110.1 of the Criminal Code of Russian Federation directly states that it is subject to application only in the absence of signs of *corpus delicti* under Art. 110 of the Criminal Code of Russian Federation.

As for Art. 110.2 of the Criminal Code of Russian Federation, then it is subject to application, in contrast to Art. 110 and 110.1 of the Criminal Code of Russian Federation in cases where the dissemination of information about methods of committing suicide or calls for suicide are directed not at a specific person or group of persons, but at an undefined audience. If the acts under Art. 110.2 of the Criminal Code of Russian Federation are accompanied by a specific impact, then the deed should be qualified according to the totality of crimes provided for by this norm and Articles 110 or 110.1 of the Criminal Code of Russian Federation. Fairly criticizing the content of Art. 110.1 of the Criminal Code of Russian Federation, some authors propose to combine parts one and two of this article, considering that all the actions specified in these parts can be designated by the term "declination" [7]. We can partly agree with this proposal, since this will eliminate the problem of the discrepancy between the sanctions of the first and second parts of the analyzed norm. We must agree with those authors who emphasize that incitement is no less active form than complicity, therefore, the punishment for acts under Part 1 and Part 2 of Art. 110.1

руководствуясь действующей редакцией УК РФ, содеянное следует относить к совокупности преступлений, что на наш взгляд, вряд ли можно признать справедливым. Поддерживая предложение об объединении частей 1 и 2 статьи 110.1 УК РФ, мы не согласны с утверждением о том, что все действия, перечисленные в этой статье, можно отнести к склонению, которое, по сути своей, является воздействием на волю виновного в целях формирования или укрепления решимости совершить самоубийство, а содействие может оказываться и тогда, когда решение уйти из жизни уже принято и содействие нельзя отнести к склонению, а безнаказанными такие деяния оставлять нельзя. Поэтому мы предлагаем объединить диспозиции двух первых частей ст. 110.1 УК РФ, не меняя их содержание, употребив союз «а равно».

В изученных научных публикациях, посвящённых анализу содержания ст. 110.1 УК РФ констатируется тот факт, что законодатель допустил ошибку, не предусмотрев такого квалифицирующего обстоятельства, как «деяние, повлекшее самоубийство или покушение на самоубийство, когда они совершены группой лиц либо с использованием информационно - телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»)» [20]. На наш взгляд, решить данную проблему можно решить, изложив ч. 5 ст. 110.1 УК РФ следующим образом: «деяния, предусмотренные частью третьей настоящей статьи, повлекшие самоубийство или покушение на самоубийство».

Анализ научных источников, посвящённых уголовно-правовым аспектам ст. 110.2 УК РФ, а также текста самой нормы, позволил выявить некоторые недостатки механизма уголовно-правового регулирования. Стоит согласиться с авторами, отмечающими, что перечень организаторской деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства необоснованно ограничен лишь двумя видами действий – распространением информации о способах совершения самоубийства или призывах к совершению самоубийства [7], поэтому необходимо в диспозиции указать на любую организаторскую деятельность подобного рода. Представляется, что диспозиция данной нормы могла бы выглядеть следующим образом «Организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства, в том числе, путём распространения информации о способах совершения самоубийства или призывов к совершению самоубийства». Очевидно, что деятельность, за которую предусмотрена ст. 110.2 УК РФ, может привести к самоубийству или покушению на самоубийство лица (или

of the Criminal Code of Russian Federation should be the same [20]. Combining parts 1 and 2 of this article will solve the problem of qualifying the actions of the guilty person, who not only persuades to commit suicide, but also gives advice on how best to commit it. According to the rules of qualification, guided by the current edition of the Criminal Code of Russian Federation, the deed should be attributed to a set of crimes, which in our opinion can hardly be considered fair. Supporting the proposal to combine parts 1 and 2 of Article 110.1 of the Criminal Code of Russian Federation, we do not agree with the statement that all the actions listed in this article can be attributed to inclination, which, in essence, is an impact on the will of the guilty party in order to the formation or strengthening of the determination to commit suicide, and assistance can be provided even when the decision to die has already been made and the assistance cannot be attributed to inclination, and such acts cannot be left unpunished. Therefore, we propose to combine the dispositions of the first two parts of Art. 110.1 of the Criminal Code of Russian Federation, without changing their content, using the union "as well".

In the studied scientific publications devoted to the analysis of the content of Art. 110.1 of the Criminal Code of Russian Federation, it is stated that the legislator made a mistake by not providing for such a qualifying circumstance as “an act that resulted in suicide or attempted suicide when committed by a group of persons or using information and telecommunication networks (including a network "Internet")” [20]. In our opinion, this problem can be solved by setting out part 5 of Art. 110.1 of the Criminal Code of Russian Federation as follows: "the acts provided for in part three of this article, resulting in suicide or attempted suicide."

Analysis of scientific sources on the criminal law aspects of Art. 110.2 of the Criminal Code of Russian Federation, as well as the text of the norm itself, revealed some shortcomings of the mechanism of criminal law regulation. It is worth agreeing with the authors who note that the list of organizational activities aimed at encouraging suicide is unreasonably limited to only two types of actions – the dissemination of information about the methods of committing suicide or calls to commit suicide [7], therefore it is necessary in the disposition point to any kind of organizing activity. It

лиц), поддавшегося информационному воздействию или узнавшего о способе ухода из жизни. Однако такое квалифицирующее обстоятельство отсутствует в рассматриваемой норме. Считаем, что это является недостатком законодательной конструкции, поскольку действующая редакция ст. 110.2 УК РФ не позволяет учесть наступление таких тяжких последствий при квалификации, даже в случае установления причинной связи между деяниями, предусмотренными в диспозиции этой статьи и самоубийством либо покушением на самоубийство, при отсутствии признаков составов преступлений, предусмотренных ст. 110 или 110.1 УК РФ.

В примечании к ст. 110.2 УК РФ предусматривается освобождение от уголовной ответственности лица, совершившего преступление, предусмотренное данной статьей, в случае деятельного раскаяния, которое заключается в добровольном прекращении соответствующей преступной деятельности, способствовании раскрытию и (или) пресечению преступлений, предусмотренных ст. 110, 110.1 УК РФ или ст. 110.2 УК РФ. Обязательным условием такого освобождения является отсутствие в действиях виновного признаков иного состава преступления. К недостаткам данной законодательной конструкции относится, на наш взгляд, то, что освобождению от уголовной ответственности может подлежать лицо, которое способствует раскрытию и (или) пресечению преступлений, предусмотренных ст. 110 или 110.1 УК РФ, но не сообщает об известной ему деятельности, направленной на побуждение к самоубийству (ст. 110.2 УК РФ) либо наоборот, способствуя изобличению организационной деятельности, умалчивает об известных ему случаях конкретизированного воздействия на потерпевшего. Такое положение возникает в силу употребления разделительного союза «или», при описании тех преступлений, содействие раскрытию и пресечению которых требуется для освобождения от уголовной ответственности. В целях устранения данных противоречий, предлагаем следующую редакцию примечания к ст. 110.2 УК РФ: «Лицо, совершившее преступление, предусмотренное настоящей статьей, добровольно прекратившее соответствующую преступную деятельность и активно способствующее раскрытию и (или) пресечению преступлений, предусмотренных настоящей статьей и известных ему преступлений, предусмотренных статьями 110, 110.1 настоящего Кодекса, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится состав другого преступления».

seems that the disposition of this norm could look like this "Organization of activities aimed at encouraging suicide, including by disseminating information about the methods of committing suicide or calls to commit suicide." It is obvious that the activities for which Art. 110.2 of the Criminal Code of Russian Federation, can lead to suicide or attempted suicide of a person (or persons) who succumbed to informational influence or learned about the way of leaving life. However, such a qualifying circumstance is absent in the considered norm. We believe that this is a shortcoming of the legislative structure, since the current version of Art. 110.2 of the Criminal Code of Russian Federation does not allow taking into account the onset of such grave consequences during qualification, even if a causal link is established between the acts provided for in the disposition of this article and suicide or attempted suicide, in the absence of signs of the *corpus delicti* provided for in Art. 110 or 110.1 of the Criminal Code of Russian Federation.

The footnote to Art. 110.2 of the Criminal Code of Russian Federation provides for the release from criminal liability of a person who has committed a crime under this article in the event of an act of remorse, which consists in voluntarily terminating the relevant criminal activity, facilitating the disclosure and (or) suppression of crimes under Art. 110, 110.1 of the Criminal Code of Russian Federation or Art. 110.2 of the Criminal Code of Russian Federation. A prerequisite for such release is the absence in the actions of the guilty person of signs of a different *corpus delicti*. The disadvantages of this legislative structure include, in our opinion, the fact that a person who contributes to the disclosure and (or) suppression of crimes under Art. 110 or 110.1 of the Criminal Code of Russian Federation, but does not report on activities known to him aimed at encouraging suicide (Article 110.2 of the Criminal Code of Russian Federation), or vice versa, contributing to the exposure of organizational activities, he is silent about cases of specific impact on the victim known to him. This situation arises due to the use of the separating union "or", when describing those crimes, assistance in the disclosure and suppression of which is required to exempt from criminal liability. In order to eliminate these contradictions, we offer the following wording of the note to Art. 110.2 of the Criminal Code of Russian Federation: "A person who committed a crime under this

Учёные, ранее исследовавшие этот вопрос, справедливо отмечают, что наличие аналогичного примечания уместно и в ст. 110.1 УК РФ [21]. Согласиться с таким предложением можно только в том случае, если это примечание не будет распространяться на случаи, когда эти действия повлекли самоубийство или покушение на самоубийство потерпевшего.

Не менее важным аспектом противодействия является грамотное и эффективное раскрытие и расследование рассматриваемых деяний. Поскольку количество криминальных суицидов за последние 10 лет выросло в три раза (со 118 зарегистрированных случаев в 2011 году до 388 случаев в 2020 году), а количество направленных дел в суд невелико (30 уголовных дел в 2020 году), можно уверенно говорить о необходимости обобщения практического опыта по выявлению и расследованию преступлений рассматриваемого вида и разработки рекомендаций по повышению эффективности деятельности должностных лиц в этом направлении. С этой целью были изучены теоретические (44 научные статьи по теме исследования, опубликованные с 2013 по 2020 годы) и практические материалы (50 приговоров, вынесенных судами РФ в период с 2015 по 2021 год), выявлены закономерности совершения преступлений рассматриваемого вида и закономерности назначения комплексной психолого-психиатрической экспертизы, как обязательного элемента расследования, определены моменты, требующие дальнейшей теоретической доработки. Так, в научной литературе отсутствует полная криминалистическая характеристика криминального суицида. В работах учёных можно увидеть фрагментарное несистематизированное описание некоторых элементов криминалистической характеристики преступлений изучаемого вида, а именно жертвы преступления, преступника и механизма следообразования. Способы совершения преступления и место совершения преступления раскрыты частично, отсутствуют данные о времени совершения преступления (в одной из работ было указано, что несовершеннолетние чаще совершают суициды вечером и летом [22]) и о корреляционных связях между элементами. Также требует внимания практика назначения судебной психолого-психиатрической экспертизы, так как нередко должностные лица органов расследования и эксперты по-разному видят предмет и объекты названной экспертизы.

В результате исследования создана криминалистическая характеристика криминальных суицидов, элементами которой стали обстановка преступления

article, voluntarily stopped the relevant criminal activity and actively contributes to the disclosure and (or) suppression of crimes provided for in this article and crimes known to them, provided for by Articles 110, 110.1 of this Code, exempted from criminal liability, if their actions do not contain the corpus delicti of another crime. "

Scientists who have previously studied this issue rightly note that the presence of a similar note is appropriate in Art. 110.1 of the Criminal Code of Russian Federation [21]. It is possible to agree with such a proposal only if this note will not apply to cases when these actions resulted in suicide or attempted suicide of the victim.

An equally important aspect of counteraction is competent and effective disclosure and investigation of the acts in question. Since the number of criminal suicides over the past 10 years has tripled (from 118 registered cases in 2011 to 388 cases in 2020), and the number of cases sent to court is small (30 criminal cases in 2020), we can confidently talk about the need to generalize practical experience in identifying and investigating crimes of the type under consideration and developing recommendations for increasing the efficiency of officials' activities in this direction. For this purpose, theoretical (44 scientific articles on the research topic, published from 2013 to 2020) and practical materials (50 sentences passed by the courts of Russian Federation in the period from 2015 to 2021) were studied, patterns of committing crimes of the type in question and for the regularities of the appointment of a complex psychological and psychiatric examination, as an obligatory element of the investigation, the moments that require further theoretical refinement are identified. So, in the scientific literature there is no complete forensic description of criminal suicide. In the works of scientists, one can see a fragmentary unsystematized description of some elements of the forensic characteristics of crimes of the studied type, namely, the victim of a crime, the criminal and the mechanism of trace formation. The ways of committing the crime and the place of committing the crime are partially disclosed, there is no data on the time of the crime (in one of the works it was indicated that minors more often commit suicide in the evening and summer [22]) and on the correlations between the elements. The practice of appointing a forensic psychological and

(время и место), преступник, жертва, способ совершения преступления и механизм слеодообразования.

Анализ судебной практики показал, что по 33% криминальных суицидов было совершено зимой и летом, 19% – осенью и 15% – весной. Выбор времени года для преступника не всегда имеет значение, поскольку подавляющее большинство преступлений совершено лицами, имеющими личные связи с потерпевшим, преступление, продолжаемое до ожидаемого результата. Однако в этой закономерности есть исключение, которое связано с преступлениями, совершёнными кураторами суицидальных групп. Для них имеет значение дата, поскольку она должна создавать наиболее благоприятные условия для совершения суицида. Как правило, кураторы подбирают время совершения преступления незадолго до дня рождения жертвы.

Большинство криминальных суицидов совершены днём (35% изученных случаев), немногим меньше – ночью 32,5%. Вечером и утром совершено 17,5% и 15% преступлений рассматриваемого вида соответственно. Таким образом, жертва могла рассчитывать на успешный суицид, так как максимально нейтрализовала возможность оказания ей своевременной помощи со стороны других лиц.

Выбирая место совершения суицида, жертвы преступления руководствуются теми же мотивами, что и при выборе времени – полное отсутствие внимания со стороны других людей. Например, в публикации [22] приводятся некоторые противоречивые данные по 12 случаям суицида несовершеннолетних в Тюменской области. Согласно этим данным, наибольшее количество преступлений рассматриваемого вида совершается в сельской местности в надворных постройках и, одновременно, указано, что большинство жертв проживали в крупных городах (Тюмень и Тобольск) и в Тобольском районе. Нами получена несколько иная типичная картина произошедшего. Так, большинство криминальных суицидов совершено в жилых помещениях (72% изученных случаев), а именно в квартирах, частных домах, общежитиях. Гораздо реже тела потерпевших находили в нежилых помещениях, а именно в сарае, малухе (утеплённый телятник), подсобных помещениях, различных хозяйственных постройках, коммерческих или некоммерческих организациях и предприятиях, где работал сам потерпевший или же он находился там по иным причинам. Например, потерпевший совершил самоубийство в комнате проведения воспитательной работы в исправительной колонии, где он отбывал наказание [24]. Остальная часть

psychiatric examination also requires attention, since often officials of the investigation bodies and experts see the subject and objects of the said examination differently.

As a result of the study, a forensic characteristic of criminal suicides was created, the elements of which were the situation of the crime (time and place), the offender, the victim, the method of committing the crime and the mechanism of trace formation.

An analysis of judicial practice showed that 33% of criminal suicides were committed in winter and summer, 19% in autumn and 15% in spring. The choice of the time of year for the offender does not always matter, since the overwhelming majority of crimes are committed by persons who have personal connections with the victim, a crime that continues until the expected result. However, there is an exception to this pattern, which is associated with crimes committed by curators of suicidal groups. For them, the date matters, since it should create the most favorable conditions for committing suicide. As a rule, curators select the time of the crime shortly before the victim's birthday.

Most of the criminal suicides were committed during the day (35% of the cases studied), a little less occurred at night – 32.5%. In the evening and in the morning, 17.5% and 15% of crimes of the considered type were committed, respectively. Thus, the victim could count on a successful suicide, since it neutralized as much as possible the possibility of providing her with timely assistance from other persons.

When choosing a place to commit suicide, crime victims are guided by the same motives as when choosing the time – a complete lack of attention from other people. For example, the publication [22] provides some contradictory data on 12 cases of juvenile suicide in the Tyumen region. According to these data, the largest number of crimes of this type is committed in rural areas in out-buildings and, at the same time, it is indicated that most of the victims lived in large cities (Tyumen and Tobolsk) and in the Tobolsk region. We got a somewhat different typical picture of what happened. Thus, the majority of criminal suicides were committed in residential premises (72% of the cases studied), namely in apartments, private houses, hostels. Much less often, the bodies of the victims were found in non-residential premises, namely in a barn, a malukha (insulated calf-house), utility rooms, various out-buildings, commercial or non-profit organi-

самоубийств (12% изученных случаев) совершена вне помещений - на улице, в лесном массиве, на крыльце дома, на прилегающем к дому дворе, в поле и т.п.

Описание личности жертвы вызвало живой интерес ученых, которые провели полноценное исследование (в частности, проанализировано более 200 материалов практики и проведено анкетирование следователей [24]) и получили результаты, не отличающиеся от наших – как правило, жертвами доведения до самоубийства становятся женщины (74% изученных случаев) в возрасте от 25 до 35 лет (50 лет по нашим результатам). В этих случаях преступником чаще всего был супруг (сожитель) потерпевшей. Среди жертв криминального суицида Е.В. Буряковская выделяет отдельно малолетних и несовершеннолетних потерпевших, которые в совокупности составляют 25% (22% по результатам нашего исследования) от числа доведённых до самоубийства субъектов. Пенсионеры реже кончают жизнь самоубийством (14%). Решение о самоубийстве принимают чаще те из них, в отношении которых собственные дети совершают унижающие действия. Так, сын, находясь в состоянии алкогольного опьянения, устроил ссору со своей родной матерью, несколько раз ударил её деревянной палкой по лицу, а после стал оскорблять нецензурными словами. Не выдержав такого насилия, потерпевшая решила покончить жизнь самоубийством, для чего взяла шнур от обогревателя, изготовила из него петлю, накинула себе на шею и выпрыгнула с третьего этажа своей квартиры [25].

Потерпевшие по делам о криминальном суициде в 49% случаев никогда не состояли в браке, 28% на момент суицида были женаты (замужем), 14% – сожительствовали, 9% – разведены. Вместе с тем большинство потерпевших на момент суицида проживали в семье (64% изученных случаев) и имели детей (59% потерпевших). На момент совершения преступления 90% жертв были трезвы и впервые решили совершить суицид. У большинства совершеннолетних изучаемых лиц была работа.

Несколько иначе выглядит характеристика жертв преступлений, совершённых с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Потерпевшими от рук «виртуальных» преступников чаще становятся дети в возрасте от 12 до 17 лет, которые учатся в образовательных учреждениях, но проявляют слабый интерес к учёбе. Такие дети не интересуются происходящим вокруг, проводя много времени в виртуальной реальности. Не редко жертвы суицида употребляют запрещённые препараты [26].

zations and enterprises where the victim himself worked or he was there for other reasons. For example, a victim committed suicide in a room for educational work in a correctional colony, where they were serving their sentence [24]. The rest of the suicides (12% of the cases studied) were committed outdoors – on the street, in a forest, on the porch of a house, in the yard adjacent to the house, in a field, etc.

The description of the victim's personality aroused the keen interest of scientists who conducted a full-fledged study (in particular, more than 200 practice materials were analyzed and a survey of investigators was conducted [24]) and obtained results that do not differ from ours – as a rule, women become victims of suicide (74% of the cases studied) between the ages of 25 and 35 (50 years of age according to our results). In these cases, the perpetrator was most often the victim's husband (cohabitant). Among the victims of criminal suicide, E.V. Buryakovskaya singles out separately juvenile and underage victims who together make up 25% (22% according to the results of our research) of the number of subjects driven to suicide. Pensioners are less likely to commit suicide (14%). The decision to commit suicide is made more often by those of them in respect of whom their own children commit humiliating acts. For example, the son, being in a state of alcoholic intoxication, made a quarrel with his own mother, several times hit her in the face with a wooden stick, and then began to insult with curses. Unable to withstand such violence, the victim decided to commit suicide, for which she took a cord from the heater, made a loop out of it, put it around her neck and jumped from the third floor of her apartment [25].

Victims of criminal suicide cases in 49% of cases have never been married, 28% at the time of the suicide were married (married), 14% were living together, 9% were divorced. At the same time, most of the victims at the time of the suicide lived in a family (64% of the cases studied) and had children (59% of the victims). At the time of the crime, 90% of the victims were sober and decided to commit suicide for the first time. Most of the adults studied had a job.

The characteristics of victims of crimes committed with the use of the information and telecommunication network the "Internet" looks somewhat different. The victims at the hands of "virtual" criminals are more

Описание личности преступника занимает центральное место в криминалистической характеристике криминальных суицидов поскольку позволяет проследить связь двух элементов – жертва и преступник, и выдвинуть в ходе расследования поисковые версии. В научной литературе имеются некоторые сведения об изучаемом субъекте: в 84% случаев это мужчина, употребляющий алкоголь, который не имеет постоянного места работы (около половины преступников) и ранее был не судим (около 80% изученных нами случаев), между жертвой и преступником имеется родственная (72,4% случаев), служебная или иного вида связь (например, знакомство или проживание в соседних жилых помещениях) [24]. 94% преступников на момент совершения преступления были в возрасте от 20 до 55 лет, 58% – женаты или жили в гражданском браке, около 87% – не состояли на учёте у психиатра или нарколога, более 60% – имели детей. Нередко жертвами преступников были собственные дети. Так, глава семейства из-за малейшей провинности издевался над своей малолетней дочерью, оскорблял её нецензурными словами, лишал доступа к сети «Интернет», периодически запрещал пользоваться мобильным телефоном, принуждал к уборке разлитой им пищи. В результате дочь покончила жизнь самоубийством, употребив неизвестные лекарственные препараты, вызвавшие острое отравление и смерть [27].

В характеристике лица рассматриваемого вида преобладают негативные черты – жестокость, отсутствие эмпатии, склонность к алкоголизму, циничность, агрессивность. Причиняя боль другим людям, преступник чувствует своё превосходство над окружающими [24]. Субъекты преступления действуют не только из корыстного мотива. Ими движут хулиганские побуждения, желание прославиться или самоутвердиться [26].

В процентном соотношении мотивы совершения преступления рассматриваемого вида распределились следующим образом: 57% преступлений совершены из ненависти (личной неприязни), 13,36% – из ревности, 11,7% – из корысти, 8,3% – из мести, столько же – ради забавы и 1,7% – из низменных мотивов. Например, глава семейства на почве ревности, обвиняя свою жену в супружеской измене, систематически оскорблял её, ставил её перед собой на колени и избивал, цинично и унижительно обращался с нею, в том числе и на глазах их несовершеннолетнего сына. Вытерпев некоторое время подобное поведение супруга, потерпевшая повесилась [28].

often children aged 12 to 17 who study in educational institutions, but show little interest in learning. Such children are not interested in what is happening around them, spending a lot of time in virtual reality. It is not uncommon for victims of suicide to use illegal drugs [26].

The description of the personality of the offender is central to the forensic characterization of criminal suicides, since it allows one to trace the connection between two elements – the victim and the offender, and to put forward search versions during the investigation. In the scientific literature, there is some information about the subject under study: in 84% of cases it is a man who consumes alcohol, who does not have a permanent job (about half of the criminals) and had no previous convictions (about 80% of the cases we studied), between the victim and the offender there is a kinship (72.4% of cases), official or other type of connection (for example, acquaintance or living in neighboring residential premises) [24]. 94% of criminals at the time of the crime were between the ages of 20 and 55, 58% were married or lived in a civil marriage, about 87% were not registered with a psychiatrist or narcologist, more than 60% had children. Often, the victims of the perpetrators were their own children. For example, the head of the family, because of the slightest offense, mocked his young daughter, insulted her with obscene words, denied access to the Internet, periodically prohibited the use of a mobile phone, and forced her to clean up the food he had spilled. As a result, the daughter committed suicide using unknown drugs that caused acute poisoning and death [27].

In the characteristics of the face of the species under consideration, negative traits prevail – cruelty, lack of empathy, a tendency to alcoholism, cynicism, aggressiveness. By hurting other people, the offender feels superior to those around them [24]. Subjects of crime act not only from a selfish motive. They are driven by hooligan motives, the desire to become famous or assert themselves [26].

In percentage terms, the motives for committing a crime of the type under consideration were distributed as follows: 57% of crimes were committed out of hatred (personal hostility), 13.36% out of jealousy, 11.7% out of self-interest, 8.3% out of revenge, the same amount – for fun and 1.7% – out of low motives. For example, the head of the family, out of jealousy, accusing his wife

Вместе с тем описание лиц, совершивших преступление, признаки которого предусмотрены ст.110.2 УК РФ, имеет принципиально другой вид. Доведение до самоубийства посредством использования интернет-технологий совершают подростки и молодые люди в возрасте от 13 до 25 лет обоих полов. В силу своего возраста преступники рассматриваемого вида проживают с родителями, не имеют супругов, не работают или временно не трудоустроены. Интересен тот факт, что во многих случаях кураторы и администраторы «групп смерти» родились и росли в благополучных семьях, но к окружающим людям относились пренебрежительно [26, 29].

Способ совершения криминальных суицидов включает две составляющие части: способ действий преступника по подготовке, совершению и сокрытию преступления и способ действий потерпевшего по лишению себя жизни.

Способ лишения жизни потерпевшего по делам изучаемой категории может быть разным [22]. В 36% изученных случаев жертва вешалась с помощью бельевой веревки, антенного кабеля, шнура от электробытовых приборов, иных проводов от компьютерных и иных технических устройств. В 26% случаев потерпевший принимал смертельную дозу лекарственных и иных веществ: фенозепам, финлепсин, дротаверин, димедрол, парацетамол, крысиный яд и т.п. В 20% случаев изучаемые лица падали из окон квартир, с балконов, лоджий, иных помещений. В 16% случаев жертва вскрывала себе вены, наносила ножом иные телесные повреждения рук, брюшной полости. Так, потерпевшая, устав от систематических побоев супругом, физических и нравственных страданий, клинком кухонного ножа нанесла себе один удар в область живота [30].

Способы совершения преступлений рассматриваемой категории подразделяются на типичные и новые, с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». По степени встречаемости способы совершения криминальных суицидов распределились следующим образом: систематическое унижение человеческого достоинства (42,39%); жестокое обращение (38,05%); угрозы (13%); уговоры и увещевания (3%); вовлечение в суицидальные игры (2%). Таким образом, ранее до эры «Синих китов» и им подобных сообществ жизнь жертвы становилась невыносима вследствие «создание обстановки деспотизма, внушение жертве постоянного страха за свою жизнь и здоровье, опасение в нанесении побоев, совершение издевательств, моральное унижение личности, совер-

of adultery, systematically insulted her, put her on her knees and beat her, treated her cynically and humiliatingly, including in front of their underage son. Having endured such behavior of her husband for some time, the victim hanged herself [28].

At the same time, the description of the persons who committed a crime, the features of which are provided for in Article 110.2 of the Criminal Code of Russian Federation, has a fundamentally different form. Driving to suicide through the use of Internet technologies is committed by adolescents and young people aged 13 to 25 of both sexes. Due to their age, criminals of this type live with their parents, do not have spouses, do not work or are temporarily unemployed. An interesting fact is that in many cases the curators and administrators of “death groups” were born and raised in prosperous families, but the people around them were treated with disdain [26, 29].

The way of committing criminal suicides includes two components: the way the criminal acts to prepare, commit and conceal the crime, and the way the victim acts to take their own life.

The way of taking the life of the victim in cases of the studied category may be different [22]. In 36% of the cases studied, the victim was hanged using a clothesline, an antenna cable, a cord from household appliances, and other wires from computer and other technical devices. In 26% of cases, the victim took a lethal dose of medicinal and other substances: fenzepam, finlepsin, dro-taverine, diphenhydramine, paracetamol, rat poison, etc. In 20% of cases, the studied persons fell from the windows of apartments, from balconies, and other premises. In 16% of cases, the victim cut their veins, inflicted other bodily injuries on their hands and abdomen with a knife. For example, the victim being tired of the systematic beatings by her husband, physical and mental suffering, inflicted one blow on herself in the abdomen with the blade of a kitchen knife [30].

The methods of committing crimes in this category are divided into typical and new, using the information and telecommunications network "Internet". According to the frequency of occurrence, the methods of committing criminal suicides were distributed as follows: systematic humiliation of human dignity (42.39%); ill-treatment (38.05%); threats (13%); persuasion and admonition (3%); involvement in suicidal

шение психического травмирования, агрессивного психологического воздействия (речевые оскорбления, упреки, грубые требования, обвинения, возмущения)» [24], а после наступления «новой эры» появились кардинально иные способы создания у жертвы желания умереть и способствования самоубийству.

Для способов совершения преступлений, предусмотренных ст.110.2 УК РФ с помощью информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», характерны:

Во-первых, ориентация при выборе жертв на их психологическое состояние и индивидуально - личные особенности. На этой стадии происходит отсеивание нежелательных лиц, к которым относятся взрослые люди с расширенным сознанием. В этом случае отсутствует очевидная связь жертва-преступник, поскольку вне «Интернета» они не контактируют.

Во-вторых, эффективная организация деятельности соучастников, которая включает своевременный обмен информацией (о жертвах, способах вовлечения в игру), распределение ролей.

В-третьих, в способ совершения преступления включена подготовка жертвы к самоубийству, создание у нее зависимости от куратора [31], обесценивание позитивных моментов жизни, нагнетание пессимистического отношения к своему существованию посредством применения психологических техник (например, транс, нейролингвистическое программирование). Для этих целей используются размещенные на сайтах видео- и аудиозаписи, музыкальный, визуальный и текстовый ряд, беседы с куратором. Внешне психологическая перестройка выглядит как игра, в которой нужно выполнять различные задания.

В-четвёртых, особое внимание уделено выбору времени, места и способа совершения самоубийства. Как правило, дата преступления должна предшествовать дню рождения жертвы.

В-пятых, обязательным элементом способа совершения преступлений является сокрытие следов. В последнем задании о совершении самоубийства куратор даёт жертве указание удалить всю переписку в сети «Интернет» и на цифровых носителях.

Механизм слеодообразования по делам рассматриваемого вида включает традиционные и специфические группы следов. Поскольку традиционные следы хорошо изучены остановимся и рассмотрим подробно только специфические следы, которые бывают материальные и цифровые.

Материальные специфические следы представлены характерными следами самоповреждениями на

games (2%). Thus, earlier before the era of the "Blue Whales" and similar communities, the life of the victim became unbearable due to "the creation of an atmosphere of despotism, making the victim feel constant fear for their life and health, fear of being beaten, committing bullying, moral humiliation of the individual, committing mental trauma, aggressive psycho-logical influence (speech insults, reproaches, rude demands, accusations, indignations)" [24], and after the onset of the "new era", radically different ways of creating a victim's desire to die and promoting suicide appeared.

For the methods of committing crimes provided for in Article 110.2 of the Criminal Code of Russian Federation using the information and telecommunication network "Internet", the following are characteristic:

First, the orientation in the selection of victims to their psychological state and individual-personality characteristics. At this stage, unwanted persons are screened out, which include adults with expanded consciousness. In this case, there is no obvious victim-perpetrator connection, since they do not contact outside of the "Internet".

Secondly, the effective organization of the activities of the accomplices, which includes the timely exchange of information (about victims, ways of getting involved in the game), the distribution of roles.

Thirdly, the method of committing a crime includes preparing the victim for suicide, creating their dependence on the curator [31], devaluing the positive aspects of life, forcing a pessimistic attitude towards one's existence through the use of psychological techniques (for example, trance, neuro-linguistic programming). For these purposes, video and audio recordings, music, visual and text series, conversations with the curator are used on the sites. Outwardly, psychological restructuring looks like a game in which you need to perform various tasks.

Fourthly, special attention is paid to the choice of time, place and method of committing self-murder. As a general rule, the date of the crime must be before the victim's birthday.

Fifthly, hiding the traces is an indispensable element of the method of committing crimes. In the last assignment on committing suicide, the curator instructs the victim to delete all correspondence on the Internet and on digital media.

The mechanism of trace formation in cases of the type under consideration in-

теле (порезы, раны на доступных частях тела), символикой «групп смерти» в интерьере (иероглифы, изображения животных, числовые записи) и предсмертными записками.

Цифровые следы остаются в социальных сетях, системных блоках, смартфонах, планшетах, ноутбуках, электронных книгах, флэш-накопителях и других технических устройствах [32, 33]. Шулаков Н.А. выделяет пять групп следов, на которые следует обращать внимание, работая в цифровой среде [33]. Среди них он указывает следы, запечатлевшие процесс выполнения жертвой заданий куратора, контент кураторов, сопровождающий психологическую перестройку жертвы, сведения о времени переговоров и абонентах, журналы посещений сайтов и др.

Расследование криминальных суицидов обязательно включает производство посмертной комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы (далее КСППЭ) жертвы. Подобная экспертиза представляет повышенную сложность в связи со смертью изучаемого субъекта и может проводиться только опосредованно по документам. Посмертную КСППЭ жертвы суицида назначают для установления психической полноценности пострадавшего, его психического состояния, предшествовавшего самоубийству, установления причинно-следственной связи действий обвиняемого и смертью потерпевшего [34, 35].

При назначении и проведении этого вида экспертизы следователи и эксперты сталкиваются с двумя проблемами:

Во-первых, в постановлении о назначении экспертизы не корректно сформулирован предмет экспертизы. Так, следователи задают неправомерные вопросы, например, о наличии «суицидоопасного состояния» у жертвы или формулируют их не точно, расширенно, например, каковы причины возникновения психического состояния? [36] или «если лицо, в период совершения суицида, находилось в предшествующем состоянии к самоубийству, то в чем его причины?» [37].

Несмотря на то, что предмет экспертизы в целом сформулирован, дебаты по поводу точных формулировок вопросов экспертам продолжаются. Так, Ф.С. Сафуанов и Т.Н. Секераж убеждены, что «при назначении ... КСППЭ имеют значение два вопроса: 1. В каком психическом состоянии находился потерпевший в период, предшествовавший самоубийству? 2. Существует ли причинно-следственная связь между действиями обвиняемого (указать: изнасилование или такие действия, которые квалифицируются как угро-

cludes traditional and specific groups of tracks. Since traditional traces are well studied, let us stop and consider in detail only specific traces, which are material and digital.

Specific material traces are represented by characteristic traces of self-harm on the body (cuts, wounds on accessible parts of the body), symbols of "death groups" in the interior (hieroglyphs, images of animals, numerical records) and suicide notes.

Digital traces remain on social networks, system units, smartphones, tablets, laptops, e-books, flash drives and other technical devices [32, 33]. Shulakov N.A. identifies five groups of traces that should be paid attention to when working in a digital environment [33]. Among them, he points out traces that capture the process of the victim's fulfillment of the curator's tasks, the content of the curators accompanying the psychological reconstruction of the victim, information about the time of negotiations and subscribers, logs of site visits, etc.

Investigation of criminal suicides necessarily includes the production of a posthumous comprehensive forensic psychological and psychiatric examination (hereinafter CFPPE) of the victim. Such an examination is of increased complexity in connection with the death of the studied subject and can only be carried out indirectly according to documents. Posthumous CFPPE of a suicide victim is prescribed to establish the mental health of the victim, his mental state prior to suicide, to establish a causal relationship between the actions of the accused and the death of the victim [34, 35].

When appointing and conducting this type of examination, investigators and experts face two problems:

Firstly, in the decision on the appointment of an examination, the subject of the examination is not correctly formulated. For example, investigators ask inappropriate questions, for instance, about the presence of a "suicide-dangerous state" in the victim, or do not formulate them accurately, extensively, for example, what are the reasons for the onset of a mental state? [36] or "if a person, during the period of suicide, was in a previous state of suicide, then what are its reasons?" [37].

Despite the fact that the subject matter of the expertise has been formed as a whole, the debate about the exact wording of the questions to the experts continues. So, F.S. Safuanov and T.N. Sekerage are convinced

зы, жестокое обращение или систематическое унижение человеческого достоинства) и возникновением и развитием психического состояния потерпевшего в период, предшествовавший самоубийству?» [36].

Т.П. Печерникова и Т.Н. Туденева полагают, что необходимо задавать вопрос о способности жертвы суицида осознавать значение своих действий и руководить ими [38].

На сайте ГБУЗ «Научно-практический центр психического здоровья детей и подростков им. Г.Е. Сухаревой департамента здравоохранения г. Москвы» размещено информационное письмо для сотрудников следственных органов, в котором приведены вопросы экспертам при назначении посмертной психиатрической экспертизы по уголовным делам, возбуждаемым в связи с самоубийством несовершеннолетних. В перечне имеются упомянутые ранее вопросы о психическом состоянии лица в пресуицидальный период и об индивидуально-психологических особенностях подэкспертного. Вместе с тем вопрос о причинах сложившегося перед суицидом психического состояния лица сформулирован широко и предполагает развернутый ответ относительно всех сфер жизни. Заслуживает внимания постановка вопроса о том, страдал ли несовершеннолетний до совершения самоубийства каким-либо психическим расстройством [39].

Таким образом, по делам изучаемой категории в постановлении о назначении комплексной посмертной судебной психолого-психиатрической экспертизы жертвы на разрешение экспертов могут быть поставлены следующие вопросы:

1. В каком психическом состоянии находился потерпевший в период, предшествовавший самоубийству?

2. Страдал ли потерпевший до совершения самоубийства каким-либо психическим расстройством?

3. Существует ли причинно-следственная связь между действиями обвиняемого (указать какими именно) и возникновением (развитием) психического состояния потерпевшего в период, предшествовавший самоубийству?

4. Была ли способна жертва суицида в момент лишения жизни осознавать значение своих действий и руководить ими?

Во-вторых, предоставленные для исследования материалы не надлежащего качества, их недостаточно для решения поставленных перед экспертами задач. В научной литературе имеются достаточно подробные рекомендации относительно вида и содержания материалов, которые необходимы для установления обстоя-

that "when appointing CFPPE, two questions matter: 1. In what mental state was the victim in the period preceding the suicide? 2. Is there a causal relationship between the actions of the accused (indicate: rape or such actions that qualify as threats, cruel treatment or systematic humiliation of human dignity) and the emergence and development of the victim's mental state in the period preceding the suicide?" [36].

T.P. Pechernikova and T.N. Tudeneva believe that it is necessary to ask a question about the ability of a suicide victim to realize the significance of his actions and to control them [38].

On the website of the state budgetary health care institution "Scientific and Practical Center for Mental Health of Children and Adolescents named after G.E. Sukhareva of the Moscow Department of Health" posted an information letter for employees of the investigating authorities that lists questions to experts when appointing a posthumous psychiatric examination in criminal cases initiated in connection with the suicide of minors. The list contains the previously mentioned questions about the mental state of a person in the presuicidal period and about the individual psychological characteristics of the subject. At the same time, the question of the reasons for the mental state of a person before suicide is formulated broadly and suggests a detailed answer regarding all spheres of life. It is noteworthy to pose the question of whether the minor suffered from any mental disorder before committing suicide [39].

Thus, in cases of the studied category in the decision on the appointment of a complex posthumous forensic psychological and psychiatric examination of the victim, the following questions can be posed for the permission of experts:

1. In what mental state was the victim in the period preceding the suicide?

2. Did the victim suffer from any mental disorder before committing suicide?

3. Is there a causal relationship between the actions of the accused (indicate which ones) and the emergence (development) of the victim's mental state in the period preceding the suicide?

4. Was the suicide victim at the moment of taking his life capable of realizing the significance of his actions and managing them?

Secondly, the materials provided for the study are of inadequate quality, they are

ятельств криминального суицида. Собранные материалы должны содержать сведения об обстоятельствах рождения потерпевшего, его развитии, индивидуальных особенностях, типичных способах решения конфликтных ситуаций, психотравмирующих фактах, обстоятельствах жизни, предшествующих суицидальному поведению и сопутствующим подготовке к суициду, психологическом состоянии изучаемого субъекта в последнее время и его динамике к моменту суицида. Обобщив рекомендации, нами разработан перечень материалов, которые должны быть предоставлены экспертам:

– протоколы допросов родственников потерпевшего, его коллег, знакомых, лечащих врачей, классного руководителя, педагогов-предметников, которые характеризуют погибшего (его личность, процесс развития, заболевания, наличие вредных привычек, успеваемость, поведение, типичные реакции на острые ситуации, круг интересов и общения, самооценку и состояние перед суицидом), обстановку, в которой жил потерпевший, а также содержат сведения о планах на будущее, предыдущих суицидальных попытках, признаках суицидального поведения, участия в «группах смерти» [32, 40];

– иные процессуальные документы: протоколы осмотра места происшествия и осмотра вещественных доказательств, заключение судебно-медицинского эксперта [41];

– переписка с кураторами «групп смерти», родными, знакомыми, пользователями в социальных сетях, мессенджерах, СМС и голосовые сообщения [42];

– письменные документы: характеристики жертвы по месту учёбы, работы, жительства, их личные дела, предсмертные записки, записи в дневнике, рисунки, стихи, школьные сочинения, медицинские документы из наркологического, психиатрического, соматического стационаров, амбулаторных медицинских учреждений [42, 31], документы из ОВД (сведения учётов о совершенных правонарушениях), органов социальной защиты населения;

– нетекстовые виртуальные следы – «локальные пользовательские файлы, ... служебная информация операционной системы и прикладных программ» [44]. Перечисленные файлы могут быть в видео-, аудио- и графическом формате. В них могут быть запечатлены сцены физического насилия, последствия и символика суицида (телесные повреждения), орудия преступления, предметы, имитирующие процессы суицида (кровь, петли), негативные сюжеты, опасные для жизни места.

not enough to solve the tasks assigned to the experts. In the scientific literature, there are sufficiently detailed recommendations regarding the type and content of materials that are necessary to establish the circumstances of criminal suicide. The collected materials should contain information about the circumstances of the birth of the victim, their development, individual characteristics, typical ways of solving conflict situations, psycho-traumatic facts, life circumstances preceding suicidal behavior and concomitant preparation for suicide, the psychological state of the studied subject in recent times and its dynamics to the moment of suicide. Having summarized the recommendations, we have developed a list of materials that should be provided to experts:

- protocols of interrogations of the victim's relatives, their colleagues, acquaintances, treating doctors, class teacher, subject teachers, which characterize the deceased (their personality, development process, illness, the presence of bad habits, academic performance, behavior, typical reactions to acute situations, the circle interests and communication, self-esteem and state before suicide), the situation in which the victim lived, and also contain information about plans for the future, previous suicidal attempts, signs of suicidal behavior, participation in "death groups" [32, 40];

– other procedural documents: protocols of the inspection of the scene of the incident and examination of material evidence, the conclusion of a forensic expert [41];

– correspondence with curators of "death groups", relatives, acquaintances, users in social networks, instant messengers, SMS and voice messages [42];

– written documents: characteristics of the victim at the place of study, work, residence, their personal files, suicide notes, diary entries, drawings, poems, school essays, medical documents from drug addiction, psychiatric, somatic hospitals, outpatient medical institutions [42, 31], documents from the Department of Internal Affairs (information on records of committed offenses), bodies of social protection of the population;

– non-textual virtual traces – "local user files, service information of the operating system and application programs" [44]. The listed files can be in video, audio and graphic formats. They can depict scenes of physical violence, the consequences and symbols

Заключение

Снижение суицидальной смертности является важной медико-социальной задачей, для решения которой во всём мире предлагаются самые различные меры и программы профилактики. К наиболее значимым направлениям относят работу по выявлению групп и факторов риска, ограничению доступности к средствам суицида, своевременной психологической поддержке, разноуровневой социальной реабилитации и др.

Не менее важное предупредительное воздействие оказывается в процессе противодействия криминальным суицидам, в том числе с использованием уголовно-правовых и криминалистических средств.

Представляется, что реализация высказанных в статье предложений позволит повысить эффективность использования уголовно-правовых и криминалистических средств в противодействии преступным деяниям, способствующим суицидальному поведению.

of suicide (bodily harm), instruments of crime, objects imitating the processes of suicide (blood, loops), negative stories, life-threatening places.

Conclusion

Reducing suicidal mortality is an important medical and social task, for the solution of which a variety of prevention measures and programs are proposed all over the world. The most significant areas include work on identifying risk groups and factors, limiting access to means of suicide, timely psychological support, multilevel social rehabilitation, etc.

An equally important preventive effect is exerted in the process of combating criminal suicides, including with the use of criminal law and forensic means.

It seems that the implementation of the proposals made in the article will increase the efficiency of the use of criminal law and forensic means in countering criminal acts that contribute to suicidal behavior.

Литература / References:

1. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Санкт-Петербург: Тип. 2 отделения собств. е. и. в. канцелярии, 1845. 754 с. [The Code of Criminal and Correctional Punishments. St. Petersburg: Type 2 of the department of its own E. I. V. Chancery, 1845. 754 p.] (In Russ)
2. Новое уголовное уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 года. СПб.: Изд. Каменноостровского юридического книжного магазина В.П. Анисимова. 1903. 148 с. [The new criminal code, highly approved on March 22, 1903. St. Petersburg: Publishing house of the Kamennooostrovsky legal bookstore of V.P. Anisimov. 1903. 148 p.] (In Russ)
3. Уголовный Кодекс РСФСР от 01 июля 1922 [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://docs.cntd.ru/document/901757375> (дата обращения 20.10.2021) [The Criminal Code of the RSFSR of July 01, 1922 [Electronic resource]. Access mode: URL: <https://docs.cntd.ru/document/901757375> (accessed 20.10.2021)] (In Russ)
4. Сборник «Уголовное законодательство СССР и союзных республик (Основные законодательные акты). М.: Юридическая литература. 531 с. [Collection "Criminal legislation of the USSR and the Union Republics (Basic legislative acts). M.: Legal literature. 531 p.] (In Russ)
5. Уголовный кодекс РСФСР. М.: Книга по требованию, 2012. 98 с. [The Criminal Code of the RSFSR. M.: Book on demand, 2012; 98.] (In Russ)
6. Федеральный закон от 07.06.2017 года № 120-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению». *Официальный интернет-портал правовой информации*. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 20.10.2021) [Federal Law No.120-FZ of 07.06.2017 "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Article 151 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation regarding the establishment of additional mechanisms to counteract activities aimed at encouraging children to suicidal behavior". *Official Internet*
7. Пучнина, М. Ю. Объективная сторона составов преступлений, предусмотренных ст. 110-110.2 УК РФ. *Вестник Воронежского института МВД России*. 2020; 2: 296-300. [Puchnina, M. Yu. The objective side of the elements of crimes provided for in Articles 110-110.2 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2020; 2: 296-300] (In Russ)
8. Данилина, Н. Ж., Ангипова Н.Ф. Проблемы толкования отдельных признаков объективной и субъективной стороны состава доведения до самоубийства (ст. 110 УК РФ): теоретический и практический анализ. *Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки*. 2021; 2 (45): 20-27. [Danilina, N. Zh., Angipova N.F. Problems of interpretation of certain signs of the objective and subjective side of the composition of suicide (Article 110 of the Criminal Code of the Russian Federation): theoretical and practical analysis. *Vector of Science of Togliatti State University. Series: Legal Sciences*. 2021; 2(45); 20-27.] (In Russ) DOI 10.18323/2220-7457-2021-2-20-27
9. Приговор Кунцевского районного суда города Москвы от 19.10.2015 по уголовному делу №1-337/2015. Сайт судебных и нормативных актов Sudact.ru URL: sudact.ru/regular/doc/N4SOPFpsYAIM/ (дата обращения: 25.09.2021) [Verdict of the Kuntsevsky District Court of Moscow dated 19.10.2015 in criminal case No.1-337/2015. Website of judicial and regulatory acts Sudact.ru URL: sudact.ru/regular/doc/N4SOPFpsYAIM/ (accessed: 25.09.2021)] (In Russ)
10. Новикова Т.А. Развитие российского уголовного законодательства об ответственности за доведение до самоубийства. *Синергия наук*. 2019; 39: 100-113. [Novikova T.A. Development of the Russian criminal legislation on responsibility for bringing to suicide. *Synergy of sciences*. 2019; 39: 100-113.] (In Russ)
11. Кулдыркаева Е.В. К вопросу об установлении причинно-следственной связи при доведении до самоубийства. *Символ науки: международный научный журнал*. 2020; 12-2: 31-33. [Kuldyrkaeva E.V. On the issue of establishing a causal relation-

- ship when driving to suicide. *Symbol of Science: International Scientific Journal*. 2020; 12-2: 31-33.] (In Russ)
12. Буряковская Е.В. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика доведения до самоубийства: Дисс...канд. юрид. наук. С-Пб, 2020. 228 с. [Buryakovskaya E.V. Criminal-legal and criminological characteristics of suicide: Diss...cand. jurid. sciences'. S-Pb, 2020. 228 p.] (In Russ)
 13. Гишинский Я.И., Милоков С.Ф. С какого возраста можно привлекать к уголовной ответственности? *Вестник Герценовского университета*. 2012; 1: 121-123. [Gilinsky Ya.I., Milyukov S.F. From what age can be prosecuted? *Herzen University Bulletin*. 2012; 1: 121-123.] (In Russ)
 14. Аюпов В.Ш. Специфика объекта доведения до самоубийства. *Правовые проблемы укрепления российской государственности: Сб. статей. Томск: Изд-во Том. ун-та*, 2011. 25-27. [Ayupov V.Sh. Specifics of the object of bringing to suicide. *Legal problems of strengthening Russian statehood: Collection of articles. Tomsk: Publishing House of Tomsk state university*, 2011. 25-27] (In Russ)
 15. Тюнин В.И., Огарь Т.А. Доведение до самоубийства и сопряженные с ним преступления. *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2018; 1 (77): 91-97. [Tyunin V.I., Ogar T.A. Driving to suicide and related crimes. *Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2018; 1 (77): 91-97.] (In Russ)
 16. Рарог А.И. Вина в советском уголовном праве. М.: Проспект, 2018: 190. [Rarog A.I. Guilty in the Soviet criminal law. M.: Prospekt, 2018; 190.] (In Russ)
 17. Шарапов Р.Д., Смахтин Е.В. Новые основания уголовной ответственности за вовлечение в самоубийство и иное опасное для жизни поведение. *Всероссийский криминологический журнал*. 2018; 12; 3: 349-357 [Sharapov R.D., Smakhtin E.V. New grounds of criminal responsibility for involvement in suicide and other life-threatening behavior. *All-Russian Criminological Journal*. 2018; 12; 3: 349-357.] (In Russ)
 18. Амирова Д.К., Гараева Д.М. Проблемы законодательного регулирования уголовной ответственности за доведение до самоубийства или до покушения на него. *Вестник Казанского юридического института МВД России*. 2020; 11; 3 (41): 292-296. [Amirova D.K., Garaeva D.M. Problems of legislative regulation of criminal liability for bringing to suicide or attempted suicide. *Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2020; 11; 3(41): 292-296.] (In Russ) DOI 10.37973/KUI.2020.41.3.005
 19. Бавсун М.В. Проблемы правовой регламентации уголовной ответственности за доведение до самоубийства. *Криминалист*. 2019; 1 (26): 11-15. [Bavsun M.V. Problems of legal regulation of criminal liability for leading up to suicide. *Criminalist*. 2019; 1 (26): 11-15.] (In Russ)
 20. Преступления, совершаемые с использованием информационных технологий: проблемы квалификации и особенности расследования / А.Ф. Абдулвалиев, А.В. Белоусов, Ж.В. Вассалатий [и др.]; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации; Тюменский государственный университет, Институт государства и права. Тюмень: Тюменский государственный университет, 2021. 376 с. ISBN 978-5-400-01631-8 [Crimes committed using information technology: problems of qualification and features investigations / A. F. Abdulvaliev, A. V. Belousov, J. V. Vasalatiy [et al.]; Ministry of science and higher education of the Russian Federation; Tyumen state University, Institute of state and law. Tyumen: Tyumen State University, 2021. 376 p. ISBN 978-5-400-01631-8] (In Russ)
 21. Смирнов А.М. К критике уголовно-правовых новелл, направленных на профилактику криминальных суицидов в России. *Аллея науки*. 2018; 1-7 (23): 500-503. [Smirnov A.M. To the criticism of criminal law novels aimed at the prevention of criminal suicides in Russia. *Alley of Science*. 2018; 1-7 (23): 500-503.] (In Russ)
 22. Спадерова Н.Н., Медведева И.В., Горохова О.В. и др. Актуальные вопросы смертной комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы детям и подросткам в Тюменской области. Межведомственное взаимодействие. *Вестник Совета молодых учёных и специалистов Челябинской области*. 2017; 3: 1 (16): 61-67. [Spaderova N.N., Medvedeva I.V., Gorokhova O.V., et al. Topical issues of post-mortem complex forensic psychological and psychiatric examination of children and adolescents in the Tyumen region. Inter-departmental cooperation. *Bulletin of the Council of Young Scientists and Specialists of the Chelyabinsk region*. 2017; 3; 1 (16): 61-67.] (In Russ)
 23. Приговор Новотроицкого городского суда Оренбургской области от 02.07.2019 по уголовному делу №1-53/2019. Сайт судебных и нормативных актов Sudact.ru URL: //sudact.ru/regular/doc/YxdyJp9QD3dj/ (дата обращения: 25.09.2021). [The verdict of the Novotroitsky City Court of the Orenburg region dated 02.07.2019 in criminal case no.1-53/2019. Website of judicial and regulatory acts Sudact.ru URL: //sudact.ru/regular/doc/YxdyJp9QD3dj / (date of address: 25.09.2021)] (In Russ)
 24. Буряковская Е.В. Доведение до самоубийства как негативное социально-правовое явление. *Вестник Алтайской академии экономики и права*. 2019; 11-1: 200-207. [Buryakovskaya E.V. Driving to suicide as a negative socio-legal phenomenon. *Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*. 2019; 11-1: 200-207.] (In Russ)
 25. Приговор Котельничского районного суда Кировской области от 09.11.2016 по уголовному делу №1-3/56/2016. Сайт судебных и нормативных актов Sudact.ru URL:sudact.ru/regular/doc/NZx12B4ygs1P/ (дата обращения: 25.09.2021) [Sentence kotelnichsky district court, Kirov region from 09.11.2016 for criminal nome case No. 1-3/56/2016. The Website of court and regulations Sudact.ru. URL:sudact.ru/regular/doc/NZx12B4ygs1P/ (date of access: 25.09.2021)] (In Russ)
 26. Шалагин А.Е., Идиятулов А.Д. Криминологическая характеристика и предупреждение преступлений, связанных с побуждением к суициду, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационной сети "Интернет". *Ученые записки Казанского юридического института МВД России*. 2018; 3; 6: 82-87. [Shalagin A. E., Idiattulov D. A. Criminological characteristics and prevention of crimes related to inducement to suicide committed with the use of information and telecommunication network "Internet". *Scientific notes of the Kazan law Institute of the MIA of Russia*. 2018; 3; 6: 82-87.] (In Russ)
 27. Приговор Гагаринского районного суда г. Севастополя от 01.03.2016 по уголовному делу №1-102/2016. Сайт судебных и нормативных актов Sudact.ru URL: sudact.ru/regular/doc/b2bh6NQekDNO/ (дата обращения: 25.09.2021). [The verdict of the Gagariinsky district court of Sevastopol from 01.03.2016 criminal de Lu No. 1-102/2016. The Website of court and regulations Sudact.ru URL: sudact.ru/regular/doc/b2bh6NQekDNO/ (date of access: 25.09.2021)] (In Russ)
 28. Приговор Учалинского районного суда Башкортостан от 07.09.2015 по уголовному делу №1-200/201. Сайт судебных и нормативных актов Sudact.ru URL: sudact.ru/regular/doc/2UKkl4TISmo1/ (дата обращения: 25.09.2021). [The verdict of the Uchalinsky district court of Bashkortostan from 07.09.2015 in criminal case No. 1-200/2015. The Website of court and regulations Sudact.ru URL: sudact.ru/regular/doc/2UKkl4TISmo1/ (date of access: 25.09.2021).] (In Russ)
 29. Бычкова А.М., Раднаева Э.Л. Доведение до самоубийства посредством использования интернет-технологий: социально-психологические, криминологические и уголовно-правовые аспекты. *Всероссийский криминологический журнал*. 2018; 12 (1): 101-115. [Bychkova A.M., Radnaeva E.L. Driving to suicide through the use of Internet technologies: socio-psychological, criminological and criminal-legal aspects. *All-*

- Russian Criminological Journal*. 2018; 12 (1): 101-115.] (In Russ)
30. Приговор Горно-Алтайского городского суда от 20.10.2014 по уголовному делу №1-302/2014. Сайт судебных и нормативных актов Sudact.ru URL: sudact.ru/regular/doc/J9fenA6охm6T/ (дата обращения: 25.09.2021). [The verdict of the Gorno-Altai City Court of 20.10.2014 in the criminal case No.1-302/2014. Website of judicial and regulatory acts Sudact.ru URL: sudact.ru/regular/doc/J9fenA6охm6T / (accessed: 25.09.2021).] (In Russ)
 31. Пантюхина Г.А. К проблеме расследования уголовных дел, связанных с суицидальными действиями несовершеннолетних с использованием социальных сетей. *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2017; 9 (2-2): 186-193. [Pantukhina G.A. On the problem of investigation of criminal cases related to suicidal actions of minors using social networks. *Historical and socio-educational thought*. 2017; 9 (2-2): 186-193.] (In Russ)
 32. Кондраткова Н.В. Некоторые вопросы расследования самоубийств, совершенных под влиянием "групп смерти". *Сборник материалов криминалистических чтений*. 2020; 17: 31-32. [Kondratkova N.V. Some issues of investigation of suicides committed under the influence of "death groups". *Collection of materials of forensic readings*. 2020; 17: 31-32.] (In Russ)
 33. Шулаков Н.А. Некоторые особенности осмотра места происшествия на первоначальном этапе расследования доведения до самоубийства несовершеннолетних с помощью информационно-телекоммуникационной сети интернет. *Вестник современных исследований*. 2018; 6.2 (21): 513-515. [Shulakov N.A. Some features of the inspection of the scene at the initial stage of the investigation of the suicide of minors using the Internet information and telecommunications network. *Bulletin of Modern Research*. 2018; 6.2 (21): 513-515.] (In Russ)
 34. Ильин Н.Н. Актуальные вопросы расследования доведения до самоубийства. *Вестник Московского университета МВД России*. 2017; 1: 100-104. [Ilyin N.N. Actual issues of investigation of incitement to suicide. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2017; 1: 100-104.] (In Russ)
 35. Смирнов В.П., Смирнова Т.Г. Актуальные вопросы комплексной судебной психологопсихиатрической экспертизы (КСППЭ) суицида. *Криминалистика*. 2013; 1 (12): 78-80. [Smirnov V.P., Smirnova T.G. Topical issues of complex forensic psychological and psychiatric examination of suicide. *Criminalist*. 2013; 1 (12): 78-80.] (In Russ)
 36. Сафуанов Ф.С., Секераж Т.Н. Деятельность, направленная на побуждение детей к суицидальному поведению: возможности судебно-психологической экспертизы. *Психология и право*. 2017; 7 (2): 33-45. [Safuanov F.S., Sekerazh T.N. Activities aimed at encouraging children to suicidal behavior: possibilities of forensic psychological examination. *Psychology and Law*. 2017; 7 (2): 33-45.] (In Russ)
 37. Бульжкин А.В., Бухтеева Е.С. Особенности расследования преступлений, связанных с самоубийством. *Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова*. 2020; 2 (83): 18-26. [Bulyzhkin A.V., Bukhteeva E.S. Features of the investigation of crimes related to suicide. *Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named V.V. Lukyanov*. 2020; 2 (83): 18-26.] (In Russ)
 38. Печерникова Т.П., Туденева Т.Н. Посмертная судебно-психиатрическая экспертиза «по факту смерти». *Российский психиатрический журнал*. 2004; 2: 15-20. [Pechernikova T.P., Tudeneva T.N. Posthumous forensic psychiatric examination "upon death". *Russian Psychiatric Journal*. 2004; 2: 15-20.] (In Russ)
 39. ГБУЗ «Научно-практический центр психического здоровья детей и подростков им. Г.Е. Сухаревой департамента здравоохранения г. Москвы». Информация для сотрудников следственных органов [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://docviewer.yandex.ru/view/168546238/?page=3&*=Jv26aUsCOBU-alPbXhFE90Xx4Bm17InVybcI6InlhLWRpc2s6Ly8vZGlzay%2FQ19Cw0LPRgNGD0LfQutC4L0luZm9ybWF0c2l5YV9kbHhX3NvdHJlZG5pa292X3NsZWRzdHZlbn55aF9vcmdbm92XzIwMjAucGRmlwidGl0bGUiOiJlJmZvcmlhdHNpeWVfZGx5YV9zb3RydWRuaWtvdI9zbGVkc3R2ZW5ueWhfb3JnYW5vdI8yMDIwLnBkZiI-sIm5vaWZyYWlIjpmYWxzZSwidWlkjoiMTY4NTQ2MjM4IiwidHMiojE2MzE2ODE1MjQyMDMsInl1Ijoiodk5MDQ4MzU4MTYyODA4MzI1NyJ9 (дата обращения 20.10.2021). [GBUZ "Scientific and Practical Center for Mental Health of Children and Adolescents named after G.E. Sukhareva of the Moscow Department of Health". Information for employees of investigative bodies [Electronic resource]. Access mode: https://docviewer.yandex.ru/view/168546238/?page=3&*=Jv26aUsCOBU-alPbXhFE90Xx4Bm17InVybcI6InlhLWRpc2s6Ly8vZGlzay%2FQ19Cw0LPRgNGD0LfQutC4L0luZm9ybWF0c2l5YV9kbHhX3NvdHJlZG5pa292X3NsZWRzdHZlbn55aF9vcmdbm92XzIwMjAucGRmlwidGl0bGUiOiJlJmZvcmlhdHNpeWVfZGx5YV9zb3RydWRuaWtvdI9zbGVkc3R2ZW5ueWhfb3JnYW5vdI8yMDIwLnBkZiI-sIm5vaWZyYWlIjpmYWxzZSwidWlkjoiMTY4NTQ2MjM4IiwidHMiojE2MzE2ODE1MjQyMDMsInl1Ijoiodk5MDQ4MzU4MTYyODA4MzI1NyJ9 (accessed 20.10.2021)] (In Russ)
 40. Сафуанов Ф.С. Судебно-психологическая экспертиза. М., 2014. 420 с. [Safuanov F.S. Forensic psychological examination. М., 2014. 420 p.] (In Russ)
 41. Бочаров В.В., Смирнов В.П., Смирнова Т.Г. Психолого-правовые аспекты судебной экспертизы по факту суицида военнослужащих. *Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение*. 2015; 8 (218): 114-119. [Bocharov V.V., Smirnov V.P., Smirnova T.G. Psychological and legal aspects of judicial examination on the fact of suicide of military personnel. *Law in the Armed Forces – Military Legal Review*. 2015; 8 (218): 114-119.] (In Russ)
 42. Мосина С.В., Иванов В.Ю. Некоторые особенности работы с электронно-цифровыми следами при расследовании склонения несовершеннолетнего к самоубийству, совершенного в сети интернет. *Вестник Могилевского института МВД*. 2020; 2: 73-77. [Mosin S.V., Ivanov V.Yu. Some of the features of work with electronic digital traces in the investigation of inducement of minors to suicide committed on the Internet. *Bulletin of the Mogilev Institute of the Ministry of interior*. 2020; 2: 73-77.] (In Russ)
 43. Кузнецов П.В., Спадерова Н.Н. Летальный суицид: анализ посмертных амбулаторных комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз. *Тюменский медицинский журнал*. 2018; 4: 19-24. [Kuznetsov P.V., Spaderova N.N. Lethal suicide: analysis of postmortem outpatient complex forensic psychological and psychiatric examinations. *Tyumen Medical Journal*. 2018; 4: 19-24.] (In Russ)
 44. Себякин А.Г. Современные возможности использования специальных знаний в области компьютерной техники при расследовании преступлений, связанных с доведением до самоубийства несовершеннолетних. *Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России*. 2018; 1 (10): 69-76. [Sebyakin A.G. Modern possibilities of using special knowledge in the field of computer technology in the investigation of crimes related to the suicide of minors. *Bulletin of the Tyumen Institute for Improving the Qualification of employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2018; 1 (10): 69-76.] (In Russ)

CRIMINAL AND CRIMINALISTIC PROCURING OF SUICIDOLOGY

V.I. Morozov, A.F. Abdulvaliev, E.M. Tolstoluzhinskaya

Tyumen State University, Tyumen, Russia;
v.i.morozov@utmn.ru

Abstract:

The article discusses the issues of qualification of crimes under Art. 110, art. 110.1 and Article 110.2 of the Russian Federation Criminal Code, as well as the forensic characteristics of criminal suicide. *The aim of the study* is to provide theoretical assistance to practitioners in the disclosure and investigation of crimes of this type. The organization of interaction between law enforcement officials and medical services of the health care system is of particular interest. *The materials for the study* were codified normative legal acts containing the norms of criminal law and establishing criminal liability for driving to suicide; texts of court decisions (sentences and rulings of courts of general jurisdiction of the Russian Federation) in criminal cases related to incitement to suicide and inducement to commit suicide, issued between 2015 and 2021; statistical data on the number of committed cases of criminal suicide on the territory of the Russian Federation; positions of legal scholars and criminologists, dedicated to the qualification and investigation of criminal suicide. Historical, comparative legal, analytical and statistical methods were used as the main research methods, which made it possible to obtain the following results. *Results.* In 72% of cases, suicide was committed by victims at home. The victims driven to suicide were women (74% of the cases studied) between the ages of 25 and 50. 49% of the victims at the time of committing criminal suicide were not married, were sober and had no suicidal tendencies before (90% of the victims). The crimes of the studied type in 84% of cases were committed by males aged 20 to 55. 58% of the subjects of the crime were married or lived in a civil marriage, about 87% were not registered with a psychiatrist or narcologist, more than 60% had children. 57% of crimes were committed out of hatred (personal hostility). Among the reasons for criminal suicides there were systematic humiliation of human dignity (42.39%), cruel treatment (38.05%), threats (13%), persuasion and admonition (3%), involvement in suicidal games (2%). In conclusion, the authors propose an algorithm for selecting objects that should be provided to an expert, as well as a formulation of the subject of a forensic psychological and psychiatric examination. As a proposal, the need to adjust the norms of Art. 110, art. 110.1 and Art. 110.2 of the Criminal Code, eliminating the ambiguous wording of the *corpus delicti* for the correct qualification of the act

Keywords: criminal suicide, crime, driving to suicide, inducement to suicide, criminal law, forensics, forensic examination

Вклад авторов:

В.И. Морозов: обзор публикаций по теме статьи, написание текста рукописи; редактирование текста рукописи;

А.Ф. Абдулвалиев: написание реферата статьи, сбор практического материала, анализ и обобщение материалов практики; редактирование текста рукописи;

Е.М. Толстолужинская: обзор публикаций по теме статьи, написание и редактирование текста рукописи.

Authors' contributions:

V.I. Morozov: review of publications on the topic of the article, writing the text of the manuscript; editing the text of the manuscript;

A.F. Abdulvaliev: writing an abstract of an article, collecting practical material, analyzing and summarizing practice materials; editing the text of the manuscript;

E.M. Tolstoluzhinskaya: review of publications on the topic of the article, writing and editing the text of the manuscript.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Financing: The study was performed without external funding.

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: The authors declare no conflict of interest.

Статья поступила / Article received: 01.10.2021. Принята к публикации / Accepted for publication: 15.11.2021.

Для цитирования: Морозов В.И., Абдулвалиев А.Ф., Толстолужинская Е.М. Уголовно-правовое и криминалистическое обеспечение суицидологии. *Суицидология*. 2021; 12 (3): 88-113. doi.org/10.32878/suiciderus.21-12-03(44)-88-113

For citation: Morozov V.I., Abdulvaliev A.F., Tolstoluzhinskaya E.M. Criminal and criminalistic procuring of suicidology. *Suicidology*. 2021; 12 (3): 88-113. doi.org/10.32878/suiciderus.21-12-03(44)-88-113 (In Russ / Engl)